

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XX

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Москва

2019

УДК 811.16/811.17+39
ББК 81
Б 207

Редакционная коллегия:

А. В. Андронов, П. М. Аркадьев, Б. Вимер, П. У. Дини, В. А. Дыбо (отв. редактор серии), М. В. Завьялова (секретарь), К. А. Кожанов, Б. Лаумане, Е. Л. Назарова, М. В. Ослон, С. И. Рыжакова, Б. Стунджа, Т. М. Судник, А. Хольфут, Т. В. Цивьян, У. Шмальшитис

Оригинал-макет:

С. Г. Болотов

Б 207 Балто-славянские исследования—XX: Сб. науч. трудов. — М., 2019. — 480 с. DOI: 10.31168/2658-5766.2019.20

ISSN-13: 977-2658-576-00-8

ISSN-8: 2658-576-6

DOI: 10.31168/2658-5766

В сборнике представлены статьи ведущих специалистов в области балто-славянских языковых и этноязыковых контактов из России, Белоруссии, Литвы, Чехии, Германии. Статьи посвящены актуальным проблемам акцентологии и морфологии балтийских языков, балтийской и славянской диалектологии, этимологии, восточнославянской и балтийской мифологии. Темы, затронутые в сборнике, актуальны не только для славистов, балтистов, индоевропеистов, но и для лингвистов, фольклористов, этнологов, историков широкого профиля.

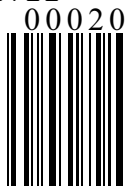
На фронтисписте — Фото Вяч. Вс. Иванова (Ю. Будрайтис, 16 июня 2009 г.).

ISSN 2658-5766

00020>

УДК 811.16/811.17+39

ББК 81

9 772658 576008

© Авторы статей, 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019
© С. Г. Болотов, оригинал-макет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. А. Дыбо, С. А. Крылов.</i> Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017)	8
<i>П. М. Аркадьев, И. Б. Иткин.</i> Аблаут в литовских отглагольных именах: к описанию синхронного распределения. II	28
<i>С. Л. Николаев.</i> Реконструкция акцентных классов балто-славянских тематических глаголов с корнями на шумный. II. Акцентуация отглагольных производных с суффиксами *-tlo- (*-dhlō-), *-to-, *-sto- и *-tā- ...	41
<i>С. Г. Болотов, М. В. Ослон.</i> «Правило Лескина–Отрембского–Смочиньского» и мнимые исключения из закона де Соссюра	55
<i>М. Н. Саенко.</i> Периодизация истории праславянского субстантивного склонения	92
<i>Б. Вимер, К. А. Кожанов, А. Эркер.</i> Корпус славянских и балтийских говоров <i>TriMSo</i> : структура, цели и примеры применения	122
<i>Е. А. Сведенцова.</i> Сериализованные конструкции в старославянском языке ...	144
<i>В. Блажек.</i> Славянское * <i>tešьka</i> ‘медведица’	200
<i>Р. А. Агеева.</i> Синие камни в традиционной культуре восточных славян	207
<i>Д. Разаускас.</i> Символика отношения «рыба–птица» и его метафизические контексты	237
<i>Н. Лауринкене.</i> Мифический образ неба в балтийской традиции	292
<i>Т. В. Володина.</i> Люди и <i>хозяйева</i> : стратегии и регулирование межмировой коммуникации в представлениях белорусов Поднепровья	317
<i>В. А. Лобач.</i> Богатыри, осилки и девы-воительницы в топонимических преданиях восточных славян	350
<i>Р. Бальсис.</i> Язычество балтов: человеческие жертвоприношения	384
<i>В. Я. Петрухин.</i> Посох Криве-Кривайтиса в балто-славянской перспективе ...	395
<i>Р. Шмигельските-Стукене.</i> Из истории парламентаризма в Речи Посполитой: сеймики Новгородского воеводства, 1794 г.	409
<i>Е. Л. Назарова.</i> «В душе моей Вы живете рядом с моей матерью...» (о латышском поэте Карлисе Скалбе)	425
<i>Т. Бартеле.</i> Первое празднование Дня русской культуры в Риге в 1925 году (по материалам русской прессы)	437

In memoriam

Симас Каралюнас (20 января 1936 – 28 ноября 2015) (Ю. Карацеюс)	448
Альгирдас Сабаляускас (26 июля 1929 – 17 апреля 2016) (С. Валянтас)	459
«Наука всегда должна служить жизни, своему народу» (Зигмас Зинкявичюс) (А. Юджентис).....	467
Витаутас Амбразас (25 марта 1930 – 23 февраля 2018) (П. М. Аркадьев).....	475
Сведения об авторах	478

CONTENTS

<i>V. A. Dybo, S. A. Krylov.</i> Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (1929–2017)	8
<i>P. M. Arkadiev, I. B. Itkin.</i> Ablaut in Lithuanian deverbal nouns towards the description of the synchronic distribution. II	28
<i>S. L. Nikolayev.</i> Reconstruction of accent classes of Balto-Slavic thematic verbs with obstruent-final roots. II. Accentuation of deverbals with the suffixes *-tlo- (*-dhlo-), *-to-, *-sto- и *-tā-	41
<i>S. G. Bolotov, M. V. Oslon.</i> “Leskien – Otrębski – Smoczyński’s Rule” and alleged exceptions to de Saussure’s Law	55
<i>M. N. Saenko.</i> Periodization of the history of the Proto-Slavic noun declension	92
<i>B. Wiemer, K. A. Kozhanov, A. Erker.</i> The <i>TriMCo</i> corpus of Slavic and Baltic dialects: structure, goals and case studies	122
<i>E. A. Svedentsova.</i> Serialized constructions in Old Church Slavonic	144
<i>V. Blažek.</i> Slavic * <i>mečьka</i> ‘(she-)bear’	200
<i>R. A. Ageyeva.</i> Blue stones in the traditional culture of the Eastern Slavs.....	207
<i>D. Razauskas.</i> Symbolism of the “fish – bird” relationship and its metaphysical contexts.....	237
<i>N. Laurinkienė.</i> The mythical image of the sky in Baltic tradition.....	292
<i>T. V. Volodina.</i> People and <i>hosts</i> : strategies and regulation of inter-world communication in the culture of Belarusians of the Dnieper	317
<i>V. A. Lobač.</i> Bogatyrs, giants and virgin warriors in the toponymic traditions of the Eastern Slavs	350
<i>R. Balsys.</i> Paganism of the Balts: human sacrifice.....	384
<i>V. Ja. Petrukhin.</i> Krivè-Krivaitis’ staff in the Balto-Slavic perspective	395
<i>R. Šmigelskytė-Stukienė.</i> A case from the history of parliamentarism in the Polish-Lithuanian Commonwealth: “Sejmiks” (dietines) of the Nowogródek Voivodeship, 1794.....	409
<i>E. L. Nazarova.</i> “In my soul you live next to my mother...” (about the Latvian poet Kārlis Skalbe)	425
<i>T. Bartele.</i> The first celebration of the Russian Culture Day in Riga in 1925 (based on the materials of the Russian press)	437

In memoriam

Simas Karaliūnas (20 January 1936 – 28 November 2015) <i>(J. Karaciejus)</i>	448
Algirdas Sabaliauskas (26 July 1929 – 17 April 2016) <i>(S. Valentas)</i>	459
“Scholarship must always serve life and its own nation” (Zigmas Zinkevičius) <i>(A. Judžentis)</i>	467
Vytautas Ambrazas (25 March 1930 – 23 February 2018) <i>(P. M. Arkadievs)</i>	475
Information about the authors	478

В 2019 году исполняется 40 лет со «дня рождения» серии «Балто-славянские исследования»: в 1979 году Владимир Николаевич Топоров написал докладную записку от Сектора структурной типологии в дирекцию Института славяноведения и балканистики АН с предложением учредить ежегодник «Balto-balkanica» (текст этой записки был опубликован в «Балто-славянских исследованиях – XVIII», М., 2009). Официально решение об учреждении серии было принято годом позже, но фактически она уже существовала (в 1972 г. был издан «Балто-славянский сборник», а в 1974 г. — «Балто-славянские исследования»). Отсчет серии ведется от 1972 года, и в этом году мы выпускаем уже 20-й том.

Все эти годы бессменным главным редактором серии был Вячеслав Всеволодович Иванов. Но этот том он не увидит... Прискорбно, что Вячеслав Всеволодович, до самых последних своих дней принимавший живейшее участие в составлении и редактировании тома, не дождался его выхода в свет. Мы не посвящаем этот выпуск памяти Вячеслава Всеволодовича, потому что ощущаем в нем его живую руку, слышим его голос. Мемориальным должен стать следующий том.

Мы уверенно надеемся, что новый главный редактор — Владимир Антонович Дыбо — сохранит традицию и приумножит славные дни «Балто-славянских исследований».

От редколлегии

М. Н. САЕНКО

Периодизация истории праславянского субстантивного склонения

1. Праславянский язык унаследовал от праиндоевропейского развитое субстантивное склонение. Система чисел и падежей очень хорошо сохранялась в течение всей истории праславянского языка, единственным значимым изменением является слияние генитива и аблатива. Однако количество типов склонения в праславянском непрерывно росло, и данная статья является попыткой обобщить имеющиеся сведения об изменении этого количества и представить этот процесс в диахронии.

Ключевым для данной статьи является понятие «тип склонения». При описании деклинационной системы, как правило, отдельные парадигмы группируются в типы в силу различия в окончаниях, при этом схожие парадигмы зачастую объединяются в один тип склонения, что оставляет большой простор для субъективных суждений. В данной статье мы подходим к этой проблеме максимально формально: парадигмы существительных А и В будут считаться относящимися к двум разным типам склонения при наличии между ними разницы в хотя бы одно окончание. Исключение делается лишь для разницы, вызванной родом существительного (например, **-os* (м.р.) и **-o(m)* (ср.р.) в *nom.sg.* тематических основ)¹. При этом подходе каждое праславянское существительное может быть охарактеризовано по следующим параметрам: род, тип склонения, наличие или отсутствие чередований согласных (гетероклиза для раннего праславянского и новые чередования для позднего) и аблаутно-акцентная парадигма (для позднего праславянского — акцентная). Количество выделяемых типов склонения вырастает, однако повышается и точность классификации, и, что очень важно для данной статьи, становится значительно проще описать сложную ситуацию дробления типов склонения в праславянском.

2. Праиндоевропейский период

2.1.1. По всей видимости, первоначально праиндоевропейское склонение было сравнительно монолитным: существовала единая система окончаний, присоединявшаяся ко всем существительным без исключения. Особую подгруппу составляли гетероклитические основы, которые, однако, от всех остальных слов отличались характерным чередованием суффиксов (**-(e)r* или **-l* в именительном и винительном падежах и **-(e)n-* в остальных).

¹ Такое решение принято в связи с необходимостью развести род и тип склонения по разным уровням классификации деклинационной системы.

2.1.2. Существует научный консенсус относительно того, что родовая система в этот период предполагала бинарное противопоставление одушевлённого (активного) рода неодушевлённому (инактивному), как в анатолийских языках (Meier-Brügger 2003: 188–189; Beekes 2011: 189). Чисел было также два, поскольку становление двойственного числа, видимо, также произошло уже после отделения праанатолийского языка от общего индоевропейского массива.

2.1.3. Древнейшими падежами являются именительный (первоначально, вероятно, не имевший окончания), родительный и винительный (где окончание **-m* находит параллель в прауральском языке). Позднее образовались местный, дательный, творительный и отложительный падежи, а также звательная форма. Иногда предполагается также наличие аллатива (Fortson 2004: 102). Основным источником для падежных окончаний служили послелогии, характерные для праиндоевропейского как для языка с порядком слов SOV. При этом формирование окончаний множественного числа, видимо, происходило позже, чем окончаний единственного.

Относительно реконструкции большей части падежных показателей в науке существует консенсус. Споры вызывают главным образом окончания родительного падежа в обоих числах, а также дательного и творительного во множественном числе.

Таблица 1.

Консенсусная реконструкция атематических падежных окончаний

	sg.		pl.	
	anim.	inanim.	anim.	inanim.
nom.	*-s	*-∅	*-es	*-eh ₂
gen.	?		?	
dat.	*-eĭ		?	
acc.	*-m	*-∅	*-ns	*-eh ₂
ins.	*-eh ₁		?	
loc.	*-∅		*-su	

Для gen.sg. реконструируется окончание **-(e)s* либо **-(o)s* (Beekes 2011: 186; Adams, Mallory 2006: 57–59), либо оба (Ringe 2006: 41). По всей видимости, **-(o)s*, которое мы находим, например, в хеттск. *witen-aš* и др.-греч. *ἰδατ-ος* ‘воды’ — это позднее явление распространения окончания продуктивных тематических основ на непродуктивные согласные (Fortson 2004: 105). Для части позднеиндоевропейских диалектов (праиндоиранский, праармянский, праиталийский) реконструируется также окончание **-osĭo*, восходящее к сложению форманта **-os* и указательной частицы **ĭo* (Красухин 2004: 117). Праславянский никаких следов такого окончания не сохранил, и, по-видимому, оно никогда не бы-

ло ему свойственно. Поэтому для древнейшего этапа истории праиндоевропейского именного склонения мы восстанавливаем окончание **-es*.

Иногда для аблатива атематических основ реконструируется отдельное окончание **-b^h(y)os* (Adams, Mallory 2006: 57), однако, как мы полагаем, для этого недостаточно оснований.

В gen.pl. восстанавливают окончание **-om* (Beekes 2011: 186; Adams, Mallory 2006: 57–58) или **-ōm* (Fortson 2004: 113) (вариант — **-óHom* (Ringe 2006: 41)). К архетипу **-om* восходят латинское *-um* и праславянское **-ь*, к **-ōm* — др.-греч. *-ῶν*, санскр. *-ām*, лит. *-ų*. Наиболее вероятной возможностью представляется то, что **-om* изначально было окончанием атематического склонения, а **-ōm* (< **-o-om*) — тематического, впоследствии, уже после распада праиндоевропейского языка, в каждой из ветвей по отдельности одно из окончаний вытеснило другое. Маловероятна гипотеза Гамкрелидзе и Иванова, выводящая **-ōm* из **-oms* по закону Семереньи (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 268).

Окончания дательного и творительного падежей сложно свести к единой форме. В отдельных ветвях индоевропейской семьи окончания этих падежей появились независимо (**-m-* и **-b^h*-окончания). Для дательного падежа восстанавливают флексию **-b^h(i)os* (Fortson 2004: 113); **-mus* (Beekes 2011: 186; Adams, Mallory 2006: 57–58); **-mos* (Meier-Brügger 2003: 197; Ringe 2006: 41), для творительного — **-b^hi*. Как нам кажется, ключ к решению проблемы можно найти, если обратиться к форме творительного падежа множественного числа тематического склонения, которая надёжно реконструируется как **-ōis*. Как правило, окончания тематического склонения восходят к слиянию тематического гласного **-o-* с окончаниями атематического склонения (например, в дательном падеже единственного числа **-o-ei* > **-ōi*). Окончание **-ōis* предполагало бы слияние тематического **-o-* с первоначальным **-eis*. При этом **-eis* хорошо соотносится с окончанием dat.sg. **-ei*. Можно осторожно предположить, что **-eis* было получено при помощи форманта множественного числа **-s* так же, как это произошло в винительном падеже (sg. **-m* — pl. **-n-s*). В дательном и творительном падежах, вероятно, употреблялась единая синкретичная форма (так же, как позднее в двойственном числе). Таким образом, для древнейшей стадии развития праиндоевропейского склонения в дательном и творительном падежах множественного числа мы реконструируем окончание **-eis*.

2.1.4. Все существительные распределялись по акцентно-аблаутным парадигмам, с постоянным местом ударения или подвижным ударением. Количество выделяемых разными учёными парадигм варьируется от трёх (Beekes 2011: 190–191) до семи (Meier-Brügger 2003: 205–206; Karović 2017: 69).

Таблица 2. Реконструкция атематических падежных окончаний, принятая в данной статье.

	sg.		pl.	
	anim.	inanim.	anim.	inanim.
nom.	*-s	*-∅	*-es	*-eh ₂
gen.	*-es		*-om	
dat.	* <u>e</u> i		* <u>e</u> i:s	
acc.	*-m	*-∅	*-ns	*-eh ₂
ins.	*-eh ₁		* <u>e</u> i:s	
loc.	*-∅		*-su	

2.2. Первое разделение праиндоевропейской языковой общности произошло, когда предки хеттов и лувийцев откололись от основного массива индоевропейскоязычных племён. До отделения праанатолийцев в праиндоевропейском склонении произошло два важнейших изменения: образование тематического склонения и введение инновативного окончания *-i в loc.sg.

Тематические основы (на *-o-) резко противопоставили себя всем остальным после того, как получили характерные долгие окончания из стяжения гласных суффикса и окончания. Кроме того, тематические основы имели особое окончание отложительного падежа в единственном числе *-o-ad, возникшее из слияния тематического гласного с послелогом *ad 'от'. У атематических основ родительный и отложительный падежи не различались.

В местном падеже множественного числа в тематическом склонении обнаруживается форма *ulk^w-oi-su вместо ожидаемого **ulk^w-o-su, что предполагает влияние местоименного склонения (Schenker 1993: 89). В санскрите это явление в тематических основах представлено более широко, ср. не только аналогичное -esu (< *-oisu) в loc.pl., но также и -ebhyaḥ (< *-oib^hios) в dat.-abl.pl. и -ebhiḥ (< *-oib^his) вместо старого -aiḥ (< *-ōis) (Елизаренкова 1982: 225). Существует и альтернативная гипотеза, согласно которой, первоначальным окончанием было *-ois (< loc.sg. *-oi плюс показатель мн.ч. *-s), впоследствии расширенное при помощи *-i в греческом и при помощи *-u в индоиранских и балто-славянских языках (Барроу 1976: 226), однако в свете приведённых санскритских данных она менее вероятна.

Важным моментом является окончание nom.-acc.sg. неодоушевлённых тематических существительных. Данные многих индоевропейских языков (в том числе имеющих первостепенную важность для индоеuropeистики санскрита, древнегреческого и латыни) говорят в пользу реконструкции окончания *-om, и чаще всего славянское окончание *-o в

этих падежах считают вторичным. Однако существует альтернативная гипотеза, постулирующая первичность *-o. Аргументами в её пользу *-o служат: 1) наличие хеттских тематических существительных среднего рода с окончанием -a в ном.-acc.sg. (Brosman 1979: 58–59; Álvarez-Pedrosa Núñez 1998: 100–102); 2) тот факт, что при практически полном параллелизме окончаний атематических и тематических основ в ном.-acc.sg. следовало ожидать именно нулевого окончания. Крайне важны в этом вопросе данные прусского языка, в котором представлены оба окончания: *-an и *-a, основным является первое, а второе встречается лишь у местоимений и прилагательных и то наряду с первым, что похоже на вытеснение архаичного окончания (*-a) инновативным (*-an).

Если придерживаться второй теории, то в праиндоевропейском сосуществовало два окончания ном.-acc.sg. неодушевлённых тематических существительных: *-om и *-o. В анатолийской и балтославянской группах сохранились оба, в остальных группах инновативное окончание вытеснило архаичное.

Но даже если балто-славянское окончание не связано с хеттским и проникло в склонение существительных из местоименного, то этот процесс должен был осуществиться весьма рано: древнейшие балтизмы финно-угорских языков (II тысячелетие до н.э.) указывают на окончание *-a у существительных среднего рода: финск. *heinä* ‘сено’ < п.-балт. *šeina (ср. совр. лит. *šiėnas* ‘сено’) (ОФУЯ 1975: 116–117).

В ряде праиндоевропейских диалектов конечное *-s, стоящее после сонорных, отпало с удлинением предшествующего слога (закон Семереньи): *ph₂ters > *ph₂tēr ‘отец’ (др.-греч. *ὁ πατήρ*, вед. *pitā*). Однако, как нам кажется, данное изменение не затронуло праславянский, поскольку праслав. *kamy ‘камень’ не может восходить к *kāmōn (которое дало бы **kamō), зато хорошо возводится к *kāmōns (>*kāmuns > *kāmūs > *kamy). Напротив, для прабалтийского закон Семереньи актуален (лит. *akmuõ* ‘камень’ < *akmō).

2.3. Следующими после хеттов от общего массива отделились пратохары. В тохарских языках мы уже находим систему трёх грамматических родов: у существительных мужской и женский, у указательных местоимений также средний. В тохарских языках уже было двойственное число, что говорит о том, что появление дуалиса и перестройка родовой системы произошли в период после ухода праанатолийцев, но до отделения пратохаров.

Двухродовая система трансформировалась в трёхродовую путём разделения активного рода на мужской и женский. Ядром женского рода стали лексемы с элементом *-h₂ (*-eh₂, *-ih₂, *-uh₂), таким же, как у собирательных существительных. По существующим гипотезам, формы собирательных существительных были переосмыслены как формы

единственного числа (ср. согласование глагола с собирательными существительными в единственном числе) либо эти суффиксы имеют общее происхождение от суффикса абстрактных существительных (Luraghi 2009: 5). Р. Матасович полагает, что формант $*-h_2$, ставший маркером женского рода, возник в результате переразложения из формы $*g^w enh_2$ 'женщина', бывшей изначально среднего рода (Matasović 1997: 128).

Поскольку категория рода получает выражение прежде всего в характере согласования местоимений и прилагательных с существительными, то данная трансформация является скорее фактом истории склонения местоимений и прилагательных. Другими словами, о трёхродовой системе в праиндоевропейском языке можно говорить лишь с того момента, когда противопоставление $*so : *tod$ сменилось противопоставлением $*so : *tod : *seh_2$.

Основы на $*-uh_2-$ полностью изменялись по атематическому склонению, а основы на $*-eh_2-$ и $*-ih_2-$ следует выделить в отдельный тип в силу того, что в ном.sg. они имели нулевое окончание. Ведийские данные говорят о том, что часть основ с суффиксом $*-ih_2-$ также характеризовалась сигматическим номинативом.

В позднем праславянском $*-ī$ -основы сохранили исконное окончание только в ном.sg., в остальных падежах были переняты окончания типа на $*-ā-$. Аналогичную картину мы наблюдаем в современном литовском, где слова *marti* 'сноха, невестка' и *pati* 'супруга, жена' отличаются от основ склонения на $*-ā-$ только $-i$ в ном.sg., однако вполне вероятно, что в прабалтийском сохранялось больше оригинальных окончаний, ср. прусск. асс.sg. *mārtin* и *weispatin* при лит. *mařčiq* 'невестку', *viěšpačiq* 'господина', хотя Станг объясняет это влиянием именительного падежа (Stang 1966: 197). Ведийский санскрит демонстрирует случаи перенятия основами на $*-ih_2-$ окончаний $*-eh_2$ -основ (ген.sg. *devyāh* 'богини', дат.sg. *devyai* 'богине' и др. (Елизаренкова 1982: 227)), что характерно и для праславянского, однако весьма маловероятно, чтобы такое взаимодействие произошло до падения ларингалов, когда основы на $*-eh_2-$ > $*-ā-$ сформировали полную парадигму собственных окончаний, так что здесь мы скорее имеем дело со случаем параллельного изменения.

Двойственное число не успело полноценно сформироваться до распада праиндоевропейского языка, можно реконструировать только окончания $*-h_1$ (ном.-асс. одушевлённых $*-o-$ и $*-u-/*-i-$ -основ), $*-ih_1$ (ном.-асс. неодушевлённых $*-o-$, $*-u-/*-i-$ и согласных основ, а также $*-eh_2-/*-ih_2$ -основ), $*-e$ (ном.-асс. одушевлённых согласных основ), $*-ous$ (ген.-loc.). Окончания дат.-инс.-абл. отдельных групп друг к другу несводимы. Окончания $*-h_1$ и $*-e$ нередко стремятся слиться в одно $*-h_1e$ (Adams, Mallory 2006: 57–58; Ringe 2006: 41). В. Мажюлис вы-

двинул оригинальную, но маловероятную теорию, согласно которой, *-e появилось по аналогии с *-o-основами — *-ō : *-e (nom.-acc.du. тематических и согласных основ) как *-ōs : *-es (nom.pl.) (Mažiulis 1970: 256–257). Окончание *-e сохранилось в древнегреческом, остаточное в ведийском санскрите и литовском. В позднем праславянском оно было вытеснено новым *-i из *-i-основ, вероятно, после того как отпадение конечного *-s вызвало омонимию с окончанием nom.pl.

Разница в окончаниях nom.-acc.du. позволяет утверждать, что после формирования двойственного числа *-u/*-i-основы уже являлись отдельным типом склонения, а не частью атематического.

Таблица 3. Склонение тематических основ (*pedo(m) ‘след’, *uļkʷos ‘волк’) и *-eh₂-основ (*uidʰeu-e-h₂ ‘вдова’).

	тематические основы		*-eh₂-основы
	инактивные	активные	
Nom.sg.	*ped-o(m)	*uļkʷ-o-s	*uidʰeu-e-h₂-∅
Gen.sg.	*ped-o-s	*uļkʷ-o-s	*uidʰeu-e-h₂-es
Dat.sg.	*ped-o-ej > *ped-ōj	*uļkʷ-o-ej > *uļkʷ-ōj	*uidʰeu-e-h₂-ej
Acc.sg.	*ped-o(m)	*uļkʷ-o-m	*uidʰeu-e-h₂-m
Voc.sg.	*ped-o(m)	*uļkʷ-e	*uidʰeu-a
Ins.sg.	*ped-o-h₁	*uļkʷ-o-h₁	*uidʰeu-e-h₂-eh₁
Loc.sg.	*ped-o-ī	*uļkʷ-o-ī	*uidʰeu-e-h₂-i
Abl.sg.	*ped-o-ad	*uļkʷ-o-ad	= Gen.
N.-Acc.du.	*ped-o-ih₁	*uļkʷ-o-h₁	*uidʰeu-e-h₂-ih₁
G.-L.du.	*ped-o-ous > *ped-ōus	*uļkʷ-o-ous > *uļkʷ-ōus	*uidʰeu-e-h₂-ous
D.-I.-Ab.du.	?	?	?
Nom.pl.	*ped-eh₂	*uļkʷ-o-es > *uļkʷ-ōs	*uidʰeu-e-h₂-es
Gen.pl.	*ped-o-om > *ped-ōm	*uļkʷ-o-om > *uļkʷ-ōm	*uidʰeu-e-h₂-om
D.-I.-Ab.pl.	*ped-o-eis > *ped-ōis	*uļkʷ-o-eis > *uļkʷ-ōis	*uidʰeu-e-h₂-eis
Acc.pl.	*ped-eh₂	*uļkʷ-o-ns	*uidʰeu-e-h₂-ns
Loc.pl.	*ped-oj-su	*uļkʷ-oj-su	*uidʰeu-e-h₂-su

Вокатив основ на *-eh₂, видимо, образовывался усечением основы: *uidʰeu-ah₂² > *uidʰeu-a. Ср. лит. диал. bró/brō/brā ‘брат’ (voc.sg.) < *brā от *brāter (Smoczyński 2007: 75). Ещё одна параллель — «новый звательный» в современном разговорном русском (формы типа «мам!», «тан!»).

Ещё одной инновацией было введение в loc.sg. окончания *-i вместо старого нулевого. Процесс был довольно древним, поскольку затронул уже хеттский, но в то же время очень длительным, поскольку в ве-

² Форма после «окрашивания» -e- последующим ларингалом.

дийском санскрите он ещё не завершился. В архаичном хеттском имеется несколько форм дательного падежа с нулевым окончанием: *šīwat* ‘в (тот) день’, *tagan* ‘на земле’, *nebiš* ‘в небе’ (Касьян, Сидельцев 2013: 45). В ведийском санскрите таких форм больше и, как правило, наряду с ними употребляются формы с окончанием *-i*: *áhan* / *áhani* ‘дне’, *āsán* / *āsáni* ‘пасти’, *udán* / *udáni* ‘воде’, *úđhan* / *úđhani* ‘вымени’, *ḷḷśaman* / *ḷḷśamani* ‘земле’, *gámghan* ‘глубине’, *śīrśán* / *śīrśáni* ‘голове’ (MacDonell 1910: 205). Аналогичным образом в авестийском старая форма *dqm* ‘до-_{adv.}’ вытесняется новой — *dqmi* (Hoffmann, Forssman 2004: 141).

В прабалтославянском **-i* проникло в склонение только инновативных основ на **-o-* (после становления женского рода также в основы на **-eh₂-* и, вероятно, **-ih₂-*). В атематических основах мы не находим следов этого **-i*, вполне может быть, что они сохранили нулевое окончание. В историческое время славянские языки демонстрируют в loc.sg. атематических основ окончание *-e*, относительно происхождения которого существует несколько теорий (Fertell 1967: 655): 1) из послелога **en* ‘в’; 2) из праиндоевропейского маркера **ē* / **ǵ*, как в санскр. dat.sg. *vṛkāya* ‘волку’ или авест. loc.sg. *-ā*; 3) путём переразложения локатива ***slowe* (с нулевым окончанием, после отпадения конечного **-s*), реинтерпретации *-e* как окончания и «восстановления» *-es-* из форм других падежей: **slow-es-e*; 4) введение окончания генитива **-es*.

Вторую концепцию можно отвергнуть сразу: в форме *vṛkāya* приращением является не *-a*, а *-ya* (< **jo*), так же, как в форме генитива *vṛkasya*. Авестийское *-ā* идентично ведийскому послелогу *ā* ‘к, в, при, у’ и по фонетическим причинам не может соответствовать праславянскому **-e*. Если же выбирать между оставшимися гипотезами, то предпочтение отдать следует той, в пользу которой говорят данные внешнего сравнения. Таковой является первая: в балтийских языках формы местного падежа были расширены послелогом **en*, причём это коснулось не только консонантных основ, но и всех остальных (Stang 1966: 175).

Введение новых окончаний **-i* и **-en* в loc.sg. способствовало выделению основ на **-u-* и **-i-*, сохранивших в loc.sg. нулевое окончание, в отдельный тип склонения.

2.4. Исходя из вышеописанного, для позднепраиндоевропейского можно выделить следующие четыре типа склонения: атематический, **-u-/i-*, **-o-* и **-eh₂-/ih₂-*.

3. Прабалтославянский период

3.1. Одним из наиболее ранних прабалтославянских нововведений следует считать появление **-m*-окончаний, т. е. окончаний, характеризующихся наличием элемента **-m*. Эта инновация объединяет праславянский с прабалтийским и прагерманским и противопоставляет их

пракельтскому, праиталийскому, прагреческому и праиндоиранскому, которые ввели аналогичные окончания, но с элементом **-b^h*. **-m*-окончания были введены в следующих падежах: ins.sg. **-mi*, dat.-ins. du. **-mā*, dat.pl. **-mos* или **-mus* (существуют необоснованные попытки вывести и из **-mot* (Mareš 1963: 64)), ins.pl. **-mīs*. По всей видимости, в основу этих окончаний легли склоняемые формы послелогов, **-b^h*-окончания представляют собой параллельные формы другого послелога.

*-m-окончания были введены во всех типах склонения, единственным исключением является ins.pl. **-o*-основ, сохранивших исконное **-ōis*. Прабалтийский также оставил окончание ins.sg. тематических основ **-ō* (в праславянском законсервировалась в наречии **wǫčera* < **ukerā*).

Суффиксы **-u-* и **-i-*основ в формах, в которых были введены **-m*-окончания, находились на нулевой ступени аблаута.

К согласным основам **-m*-окончания присоединялись без тематической гласной, так же, как и окончание **-su* в loc.pl. Реликты таких форм сохранились у существительных с суффиксом **-ĕn-/jan-* в чешских, русских и сербохорватских памятниках, а также в словенских говорах: dat.pl. **-amъ* < **-an-mъ*; ins.pl. **-ami* < **-an-mi*; loc.pl. **-asъ* < **-an-sъ* (Селищев 2006: 391–392).

Какое из двух окончаний dat.pl. (**-mos* или **-mus*) следует реконструировать для прабалтославянской эпохи — отдельная проблема. Обзор литературы по теме и дискуссию см. в статьях В. Мажюлиса и Й. Казлаускаса (Мажюлис 1966; Казлаускас 1968).

Ещё одной ранней инновацией является слияние аблатива и генитива, в позднем праиндоевропейском различавшихся только в единственном числе тематических основ. При этом в части балто-славянских диалектов в родительном падеже сохранилось старое окончание **-os* (> прусск. *-as*), а в другой части его вытеснило окончание отложительного падежа **-ād* (> праслав **-ā*, лит. *-o*, лтш. *-a*).

3.2. Важнейшим прабалтославянским изменением в области именного склонения, приведшим к перестройке всей системы, была ликвидация старого количественного аблаута. Движителем этого явления, безусловно, является ориентация на новые продуктивные классы — на **-o-*, **-eh₂-* и **-ih₂-*, избегающих аблаутных чередований в корне.

В части случаев выравнивание корня происходило по полной ступени, в части по ступени редукции, при этом иногда ситуация в праславянском и прабалтийском не совпадает: ср. **seh₂ls*, G. **sh₂les* ‘соль’ > п.-сл. **solis* (нулевая ступень), п.-балт. **sālis* (полная ступень); **neh₂s* ‘нос’ > п.-сл. **nosos* (нулевая ступень), п.-балт. **nāsis* (полная ступень). Слово ‘сердце’ (**kerd*, G. **k̑ȓdes*) дало в праславянском две основы: **sirdi* ‘сердце’ и **serdā* ‘середина’, в каждом из которых отразилась одна из ступеней чередования.

3.3. Помимо введения *-*m*-окончаний тип на *-*u*- сохранил систему флексий в неизменном виде, в то время как тип на *-*i*- пережил три инновации.

Первая — это гаплоглогия дифтонга *ei* в dat.sg: **g^hosteiei* > *gostei. Аналогичную ситуацию мы обнаруживаем в балтийских языках. А. Мейе возводит данное изменение к общеиндоевропейской эпохе, поскольку в оскском и архаической латыни dat.sg. *-*i*-основ также оканчивается на *-ei* (Мейе 1951: 335). Однако здесь мнения исследователей расходятся, если одни считают латинское окончание результатом гаплоглогии, то другие полагают, что здесь имело место выпадение *j* в интервокальном положении с последующим стяжением гласных (Тронский 2001: 168). Вполне возможно, что балто-славянское изменение никак не связано с латинским и является результатом параллельного изменения. Альтернативная гипотеза — о заимствовании *-*ei* из согласного склонения (Schenker 1993: 89) — представляется маловероятной.

Вторая — это взаимодействие с *-*ih₂*-склонением, которое после падения ларингалов получило характерное чередование суффикса *-*ī*/*-*ij*-. В ряде падежей (ins.sg. женского рода, gen.du, nom.pl., gen.pl.) *-*i*-основы заменили исконный элемент *-*ei*- на заимствованный *-*ij*-, поэтому вместо ожидаемого **kostejb ‘костей’ мы находим в позднем праславянском *kostjъb (Саенко 2016).

Таблица 4. История парадигм *-*i*-склонения

	Общеиндоевр.	Прабалт.	Раннепраслав.	Позднепраслав.	
N.sg.	*h ₁ ngnis	*ungnis	*ognis	*огнь	
G.-Ab.sg.	*h ₁ ngnejs	*ungnejs	*ognejs	*ogni	
D.sg.	*h ₁ ngneiei	*ungnei	*ognei	*ogni	
Acc.sg.	*h ₁ ngnim	*ungnin	*ognin	*огнь	
I.sg.	*h ₁ ngnih ₁	*ungnimi	*ognimi	*огньмь	*kostjъ
L.sg.	*h ₁ ngnej	*ungnej	*ognej	*ogni	
V.sg.	*h ₁ ngnej	*ungnej	*ognej	*ogni	
N.-Acc.du.	*h ₁ ngnih ₁	*ungnī	*ognī	*ogni	
G.-L.du.	*h ₁ ngneijous		*ogneijous	*огнью	
D.-I.-Ab.du.			*ognimā	*огньма	
N.pl.	*h ₁ ngnejes	*ungnejs	*ognejes	*огньје	*kosti
G.pl.	*h ₁ ngnejom	*ungniōn	*ognejon	*огньъ	
D.-Ab.pl.	*h ₁ ngnejejs	*ungnimos	*ognimos	*огньмь	
Acc.pl.	*h ₁ ngnins	*ungnins	*ognins	*ogni	
I.pl.	= Dat.	*ungnimīs	*ognimīs	*огньмі	
L.pl.	*h ₁ ngnisu	*ungnisu	*ognixu	*огньхъ	

Таблица 5. История парадигм *-u-склонения

	Общеиндоевр.	Прабалт.	Раннепраслав.	Позднепраслав.
N.sg.	*suHnus	*sūnus	*sūnus	*synъ
G.-Ab.sg.	*suHnoūs	*sūnaūs	*sūnoūs	*synu
D.sg.	*suHnoūei		*sūnoūei	*synowi
Acc.sg.	*suHnum	*sūnun	*sūnun	*synъ
I.sg.	*suHnuh ₁	*sūnumi	*sūnumi	*synъmъ
L.sg.	*suHnoū	*sūnaū	*sūnoū	*synu
V.sg.	*suHnoū	*sūnaū	*sūnoū	*synu
N.-Acc.du.	*suHnuh ₁	*sūnū	*sūnū	*syny
G.-L.du.	*suHnoūoūs		*sūnoūoūs	*synowu
D.-I.-Ab.du.			*sūnumā	*synъma
N.pl.	*suHnoūes	*sūnaūs	*sūnoūes	*synowe
G.pl.	*suHnoūom	*sūnuōn	*sūnoūon	*synъ
D.-Ab.pl.	*suHnoūejs	*sūnumos	*sūnumos	*synъmъ
Acc.pl.	*suHnuns	*sūnuns	*sūnuns	*syny
I.pl.	= Dat.	*sūnumīs	*sūnumīs	*synъmi
L.pl.	*suHnusu	*sūnusu	*sūnuxu	*synъxъ

Третья — это выделение особой парадигмы женского рода после введения особого окончания в ins.sg. основ женского рода.

В отличие от согласного типа склонения основы на *-u- и *-i- сохранили в loc.sg. древнее нулевое окончание.

В дальнейшем судьба этих двух типов складывается по-разному: *-u-основы оказываются на периферии системы склонения, а *-i-тип становится высокопродуктивным типом, сохранившимся во всех современных славянских языках, имеющих склонение.

3.4. Падение ларингалов привело к появлению в типе на *-eh₂- особых долгих окончаний: *-ah₂e_i > *-ā_i (dat.sg.), *-ah₂m > *-ān (acc.sg.), *-ah₂ih₁ > *-ā_i (nom.-acc.du.) и т.д. Параллельный процесс произошёл в типе на *-ih₂-, окончания которого, однако, в позднем праславянском почти не сохранились. Данное изменение привело к разделению типов на *-eh₂- > *-ā- и *-ih₂- > *-ī-.

3.4.1. Следующий этап характеризуется распадом согласного склонения. По-видимому, первой стадией этого процесса распада стало выделение в отдельный тип склонения основ на *-es-. Изначально компактная группа существительных с суффиксом *-es-/*-os-, с точки зрения флексии ничем не отличалась от остальных согласных основ. Отдельным типом она стала после аналогической утраты конечного *-s в nom.-acc.sg., что произошло под влиянием окончания *-o тематиче-

ских основ. Если рассматривать оставшееся после этого *-o в пом-асс. sg. лексем типа *slowo и *nebo уже не как часть суффикса, а как окончание, то *-es-основы стали характеризоваться уникальным набором окончаний (N. *-o : G. *-es), отличающим их как от согласных основ (N. *-ø : G. *-es), так и тематических (N. *-o : G. *-ā(d)).

О древности выделения основ на *-es- в отдельный тип говорит тот факт, что при исчезновении корневых и гетероклитических основ он включил в себя лексемы *oko (бывшую гетероклитическую) и *uxo (бывшую корневую). Это было бы невозможно, если бы к тому времени *-es- не осознавался как показатель отдельного типа склонения.

Индоевропейские параллели имеют лишь несколько праславянских основ на *-es-: *čudo (G. *čudese) ‘чудо’ (SP 2, 280–281; ЭССЯ 4, 128–129) и *kudo (G. *kudese) ‘чары’ (ср. греч. τὸ κῦδος (G. κῦδος) ‘слава, честь’) (ЭССЯ 13, 83–84); *lože (G. *ložese) ‘ложе’ (сохранилось в деривате *ložesno, ср. греч. τὸ λέχος (G. λέχος) ‘ложе, кровать, постель’), существовало с параллельной -o-основой *lože (SP 2, 30; ЭССЯ 16, 124–126); *nebo (G. *nebese) ‘небо’ (ср. греч. τὸ νέφος (G. νέφος) ‘облако, туча’) (ЭССЯ 24, 101–104); *orwo (G. *orwese) ‘равенство’ (сохранилось в деривате *orwesnykь) (ср. лат. *rūs, rūris* (н.) ‘деревня, поле’ < *reyos) (ЭССЯ 32, 216; критику этой реконструкции см. в: Janczulewicz 2017); *slowo (G. *slowese) (ср. греч. τὸ κλέος ‘молва, весть, слух, слава’).

Потенциально к этому типу можно отнести также восстанавливаемое по косвенным данным *žero (G. *žerese) (Саенко, Szeptyński 2017: 281–282). Кроме того, следы древней *-es-основы видят в слове *oje (G. *ojese) ‘дышло’ (ср. санскр. *īṣā* ‘дышло’, хеттск. *hišša-*) (ЭССЯ 32, 35–37). Однако в славянском материале *-es-основа представлена только в словенском, для которого характерно некоторое количество новых существительных на *-es-. В то же время не все исследователи считают, что санскритское и хеттское слова позволяют реконструировать в данном случае *-es-основу (Kloekhorst 2008: 346).

В тип на *-es- в праславянском перешло также слово *kolo (G. *kolese) ‘колесо’ (ЭССЯ 10, 141–144). Частично в него вошли два слова из типа на согласный: *oko (G. *očese) ‘глаз’ и *uxo (G. *ušese) ‘ухо’. При этом в двойственном числе они склонялись по *-i-типу без наращивания суффикса *-es-: *oči, *očju, *očima; *uši, *ušju, *ušima.

Данный тип также пополнился несколькими собственно славянскими инновациями: **kel-* ‘подниматься, возвышаться’ > *čelo ‘лоб’³ (SP³2, 127–128); **lem-* ‘ломать, бить’ > *lemo (G. *lemese) ‘лемех’ (сохранилось в деривате *lemešь) (ЭССЯ 14, 108–110); *tělo (G. *tělese) ‘тело’ (Бернштейн 1974: 150–152).

³ Основа на *-es- засвидетельствована хуже, чем на *-o-. Основанием для реконструкции **čeles-* служат дериват *čelesьнь и полабская форма дв. ч. *cilěsai*.

В постпраславянский период известны отдельные случаи перевода из *-о-склонения в *-es-основы. Сюда относятся *čerwo, *derwo, *dělo, *diwo, *jьgo, *jьsto, *liko, *luto, *pero, *runo, *tego, *udo, *zeweno. Основными очагами этого процесса были словенский и старославянский (Бернштейн 1974: 145–163).

В балтийских языках судьба основ с суффиксом *-es- ничем не отличается от судьбы остальных консонантных основ, они перешли в более продуктивные типы: лит. *debesis* ‘облако’, *šlovė* ‘слава’.

3.4.2. Следующим этапом распада согласного склонения стал перевод гетероклитических и корневых основ в более продуктивные типы. Довольно рано праиндоевропейские корневые основы на согласный стали исчезать в праславянском. Их судьба не была единообразной, они распределились между почти всеми остальными типами склонения. Больше всего бывших корневых основ вошло в тип на *-i-, остальные распределились по типам на *-o-, *-ā-, *-u- и *-es-. Перевод в тематические основы также осуществлялся при помощи суффикса *-k-: *k(u)mons (G. *kunes) ‘собака’ > *soukā > *suka, *g^{wi}Hs > *gīkā > *žika ‘тетива, жила’.

Лексемы, перешедшие в тип на *-i-: *deh₂ijers > *dājweris > *dēwerb ‘деверь’; *d^hg^homs (ср. греч. ἡ γῆ *gē* (G. γῆ *gē*) ‘земля, почва’) > *zemis (f.) > *zemja ‘земля’, *dyors ‘дверь’ > *dwiris > *dwьrь (f.) ‘дверь’; *g^hans (ср. греч. ὁ ἡ γῆν (G. γῆν *gēn*) ‘гусь’) > *gonsis > *gōsь (m.) ‘гусь’; *g^huehrs (ср. греч. ὁ θῆρ (G. θῆρ *thēr*) ‘хищный зверь’) > *zwēris > *zwěrь (m.) ‘зверь’; *gereh₂us > *gerāus > *žerawь ‘журавль’ (Adams, Mallory 1997: 140–141); *g^welh₂nd- (ср. лат. glāns (G. glandis) ‘жёлудь’) > *gelondis > *želodь ‘жёлудь’; *g^weh₃us ‘бык’ > *gāwis > *gowi-nd-o > *gowēdo (уже позднее было преобразовано на собственно славянской почве, выделяется тот же суффикс -nd-, что и в слове *elbedь / *olbodь ‘лебедь’); *h₂enh₂is (ср. лат. anas (G. anatis) ‘утка’) > *ontis > *otь ‘утка’; *kerd (G. *kīrdes) > *sirdi (n.) > *sьrdьko ‘сердце’; *loks ‘лосось’ > *lososis > *lososь (m.); *louks (ср. лат. lūx (G. lūcis) ‘свет’) > *louks > *lučь (m.) ‘луч’; *luks (ср. греч. ὁ λύγξ (G. λυγός) ‘рысь’) > *lūsis > *ryсь (f.) ‘рысь’; *muHs (ср. греч. ὁ μῦς (G. μῦς) ‘мышь’) > *mūxis > *myсь (f.) ‘мышь’; *neh₂us ‘корабль’ > *nāwis ‘корабль мёртвых’ > *nawь ‘мертвец’ (есть и альтернативная этимология) (ЭССЯ 24, 49–52); *nok^wts (ср. греч. ἡ νύξ (G. νυκτός) ‘ночь’) > *noktis > *notь ‘ночь’; *ponth₁- ‘тропа’ > *pontis > *poť (m.) ‘путь’; *pots ‘хозяин, господин’ > *podis/*potis (отсюда *gospodь (< *gostpodis) ‘господин’ и *potьbēga ‘разведенная женщина’) (ЭССЯ 7, 61–63); *seh₂is (G. *sh₂les, ср. лат. sāl (G. salis) ‘соль’) > *solis > *solь (f.) ‘соль’; *uīks > *wisis > *wьсь (f.) ‘деревня’.

Две лексемы среднего рода перешли в тип на *-u-: *abol (G. *ables) (n.) > *āblu > *ablьko ‘яблоко’; *dom (G. *dems) (n.) > *domu > *domь ‘дом’.

Лексемы, перешедшие в тип на *-o-: *b^hreh₂ters > *brātros > *bratrŕ ‘брат’; *d̥yors ‘дверь’ > *d̥woros > *d̥worŕ ‘двор’; *neh₂s- ‘нос’ > *nosos > *nosŕ; *snoik^ws (G. *snig^whes) > *snoigos > *snĕgŕ (m.) ‘снег’.

Лексемы, перешедшие в тип на *-ā-: *ġ^hei_{ms} (ср. лат. *hiems* (G. *hiemis*) (f.) ‘бурная погода, ливень, гроза, ненастье, буря, дождливое время года, холодное полугодие, зима’) > *zejmā > *zima ‘зима’; *Hros (G. *Hroses, ср. лат. *rŕs* (G. *rŕris*) (m.) ‘роса’) > *rosā > *rosa ‘роса’; *jo_uHs (ср. лат. *jŭs* (G. *jŭris*) n. ‘похлёбка, суп или подливка’) > *jo_uxā > *juxa ‘суп’; *kerd ‘сердце’ > *serdā > *serda ‘середина’; *suesors (G. *suesres) ‘сестра’ > *sesrā > *sestra.

Как уже упоминалось ранее, слово *h₂eys- ‘ухо’ стало изменяться по смешанному склонению: *-es- в единственном и множественном числах и *-i- в двойственном.

Приведённые примеры не составляют закрытый список, в литературе существует множество попыток как расширить его, так и сократить (ср. дискуссию в статьях: Kortlandt 1985 и Villanueva Svensson 2011).

В прабалтийском корневые основы постигла та же судьба, что и в праславянском, однако распределение по типам склонения не идентично. Чаще всего совпадают случаи перехода в *-i-основы, реже в *-ā-: *āntis ‘утка’ (лит. *ántis* (f.), пр. *antis* (f.)); *dāi_{weris} ‘деверь’ (лит. *dieveris*, лтш. *diēveris*); *duris ‘дверь’ (лит. *dŭrys* (f. pl.), лтш. *duris* (f. pl.), пр. *dauris* ‘большие ворота’); *gŕwis (лтш. *gŕvs* (f.) ‘корова’); пр. *luckis* (m.) ‘полено’; *lŭsis ‘рысь’ (лит. *lŭšis* (f., m.), лтш. *lŭšis* (m.), пр. *luysis* (m.)); *naktis ‘ночь’ (лит. *naktis* (f.), лтш. *nakts* (f.), пр. *naktin* (acc.sg.)); *patis (лит. *patis* ‘муж’, лтш. *pats* ‘муж’); пр. *pintis* ‘путь’; *rasā ‘роса’ (лит. *rasà*, лтш. *rasa*); *sālis ‘соль’ (лтш. *sāls* (m.)); *snaigas ‘снег’ (лит. *sniėgas*, лтш. *sniėgs*, пр. *snaygis*); *šĕr / *širdi- ‘сердце’ (лит. *širdis* (f.), лтш. *sirds* (f.), пр. *seyr*); *žansis ‘гусь’ (лит. *žqsis* (f.), лтш. *zòss* (f.), пр. *sansy*); *zejmā ‘зима’ (лит. *žiemà*, лтш. *ziema*, пр. *semo*); *žvĕris ‘зверь’ (лит. *žvĕris* (m.), лтш. *zvĕrs* (m.), пр. *swĕrins* (acc.pl.)).

Не совпадают случаи с переходом в *-u-, *-o-, иногда *-ā-склонение: *ābŕl ‘яблоко’ (лит. *abuolys*, *óbuolas*, *óbuolis*, *óbalas*, *obalys*, *obelas*, *obulys*, *obŭlys* ‘яблоко’, *obelis*, *obelĕ*, *obalĕ*, *obalis*, *óbuolis* ‘яблоня’ (Smoczyński 2007: 432), лтш. *ābŕls* (m.) ‘яблоко’, *ābele* ‘яблоня’, пр. *woble* (f.) ‘яблоко’); *ausis ‘ухо’ (лит. *ausis*, лтш. *àuss*, пр. *āusins* (acc. pl.)); *brātis ‘брат’ (лит. жем. *brŕtis*, пр. *brāti* (voc.sg.)); *lašis / *lasašā ‘лосось’ (лит. *lašišà*, *lasaša*, диал. *lāšis* (m.), лтш. *lasis* (m.), пр. *lasasso (конъектура из *lalasso*)); *namas ‘дом’ (лит. *nāmas*, лтш. *nams*); *nāsis ‘нос’ (лит. *nŕsis* (f.), пр. *nozy* (f.), лтш. *nāss* (f.) ‘ноздря’).

Кроме того, ряд корневых основ в прабалтийском перешли в тип склонения на *-ĕ-, который является собственно балтийской иннова-

цией: *gilē ‘жёлудь’ (лит. *gìlė*, лтш. *zīle, zīle*, пр. *gile*); *gerwē ‘журавль’ (лит. *gėrvė*, лтш. *dzērve*, пр. *gerwe*); *iūšē ‘уха’ (лит. *jūšė* ‘рыбная уха, варево’, пр. *iuse* ‘похлёбка’); *žemē ‘земля’ (лит. *žėmė*, лтш. *zeme*, пр. *same*). Ряд лексем сохранил согласное склонение, например, *sesō ‘сестра’ (лит. *sesuō*, пр. *swestro*).

3.4.3. Вместе с корневыми основами в более продуктивные типы стали переходить гетероклитики. О древности этого процесса говорит то, что гетероклитический тип исчез ещё до распада слоговых сонорных, общего для славянских и балтийских языков, поскольку на момент присоединения показателей продуктивных типов склонения, именительный-винительный падеж заканчивался на слоговый сонорный *r*, а не сочетание *ir/ur*, в противном случае ожидалось бы формы **jьkьro / **jьkьra вместо зафиксированных *jьkro / *jьkra.

Подробное рассмотрение этого вопроса см. в: Саенко 2019а.

3.4.4. После отпадения конечных *d* и *t* благодаря противопоставлению ном.-асс.сг. основе всех остальных падежей в отдельную парадигму вычленились существительные с суффиксом *-*ent-* > *-*ēt-*: ном. *āgnen (> *agnę) при ген. *āgnentes (> *agnęte). В соответствии с заявленными принципами в отдельный тип склонения мы эти существительные не выделяем: от остальных существительных среднего рода согласного склонения они отличались только чередованием *-*ent-* / *-*en* в суффиксе, но не окончаниями.

В праславянском к данной парадигме относилось несколько десятков существительных среднего рода, называющие детёнышей животных, птиц, людей (SP 3, 11–19).

Конечные *d* и *t* отпали и в прабалтийском, что, впрочем, не обязательно свидетельствует в пользу прабалтославянского характера данного фонетического изменения, оно могло пройти независимо уже после разделения праславянского и прабалтийского.

3.4.5. В праславянском слова с суффиксом *-*ut-* > *-*ūt-*, заимствуя у *-*i*-основ окончание ном.сг., выделились в отдельный тип склонения. В остальных падежах сохранились окончания согласного склонения.

Этому суффиксу соответствует литовское *-utis* / *-utas*. Существительные с этим суффиксом соотносятся с прилагательными, склоняющимися по *-*u*-типу: п.-балт. *ašus ‘острый’ > *ašutas ‘конский волос’ (ср. п.-сл. *osъть ‘осот’) (Smoczyński 2007: 27), *degus ‘горючий’ > *degutas ‘дёготь’ (Smoczyński 2007: 98), *klausius* ‘обладающий хорошим слухом’ > *klausūtis*, *krapštūs* ‘любящий возиться, копать’ > *krapštūtis*, *pliauškiūs* ‘болтливый’ > *pliauškūtis* и т. д. (Otrębski 1965: 264). Суффикс *-utis* / *-utas* имеет в литовском несколько значений, в том числе диминутивное и то, которое Я. Отрембский описывает как обозначение мелких предметов, при помощи которых осуществляется какая-то деятельность

или результат какой-то деятельности: *blizgĕti* ‘блестеть’ > *blizgūtis* ‘блѣстка’, *skambĕti* ‘звенеть’ > *skambūtis* ‘звонок’ (Otrębski 1965: 264).

В прабалтийском такой тип склонения, вероятно, тоже существовал, о чём говорят реликтовые формы *nom.* и *gen.pl.* у основ на *-utis / -utas* в старолитовских текстах (Stang 1966: 223).

Ядром этого типа, видимо, были слова **nogutis* (G. **nogutes*) ‘ноготь’ (ср. лит. *nagūtis*, пр. *nagutis*) и **olkutis* (G. **olkutes*) ‘локоть’, первоначально имевшие диминутивное значение (‘ноготок’ и ‘локоток’).

Помимо лексем на **-utis* > **-ьтъ* в данный тип также вошли слово **dins* ‘день’ > **dinis* (G. **dines*) > **днь* (G. **dъne*) и числительное **desęt* ‘десять’.

После распада праславянского типа на **-t-* сравнительно быстро растворился в **-jo-*основах (в чешском в **-o-*основах). Лучше всего следы **-t-*типа сохранились в древнечешском, где исходные формы задержались в *nom.*, *gen.*, *dat.* и *acc. sg.*, а также в *nom.* и *gen.pl.* (Bauer et al. 1998: 172). В современном чешском слова *den* и *loket* удерживают архаичные формы в родительном и дательном падежах, а исходная форма предложного падежа слова **днь* сохранилась в словосочетании *ve dne* ‘днём’.

Подробнее см. в: Саенко 2019б.

4. Собственно праславянский период

4.1. После окончания балто-славянского периода в праславянском существительные изменялись по восьми типам склонения: **-o-*, **-u-*, **-i-*, **-ā-*, **-ī-*, **-es-*, **-ut-* и тип на согласный.

Четырьмя важнейшими изменениями в праславянском склонении после окончания балто-славянского периода были: окончательный распад согласного склонения, появление мягких типов (на **-jo-* и **-jā-*), радикальное упрощение ауслата и перестройка корреляции между родом и типом склонения.

4.2. К основным праславянским изменениям в ауслате относятся: 1) сокращение долгого гласного в конечном слоге, закрытом двумя согласными: **-āns* > **-ons*, **-ōjs* > **-ājs* > **-ojs*; 2) переход *o* в *u* в закрытом конечном слоге, закрытом согласными *s* и *n*: **-os* > **-us*, **-on* > **-un*; 3) аккомодация **jo* > **je*, **ju* > **ji*; 4) переход *o* в *u* в конечном слоге, закрытом двумя согласными: **-ons* > **-uns*, **-ojs* > **-ujs*; 5) упрощение стечения двух согласных на конце слова с заменительным удлинением предшествующего гласного: **-ujs* > **-ūs*, **-uns* > **-ūs*, **-ins* > **-īs*, **-ens* > **-ēs* (последнее — только в части праславянских диалектов); 6) образование носовых гласных; 7) отпадение конечного **-s* (во всех позициях) и **-n* (после *u* и *i*); 8) смена количественного противопоставления гласных качественным (**u* > **ъ*, **i* > **ь*, **ū* > **у*, **ī* > **и*, **ē* > **ě*); 9) монофтонгизация дифтонгов.

Аккомодация **jo > *je*, **ju > *ji* привела к образованию двух очень продуктивных типов склонения — на **-jo-* и на **-jā-*.

4.2.1. На протяжении всей истории согласного склонения в праславянском прослеживается тенденция к противопоставлению формы nom. sg. (nom.-acc.sg. в среднем роде) всем остальным формам (В. Мареш называл это явление «интерфлексией» (Мареш 1962: 19)). Это противопоставление пришло на смену праиндоевропейскому различению основы прямых (именительного и винительного) падежей основе косвенных. Иногда причины такого противопоставления носят чисто фонетический характер, например, у основ на **-ent* и на **-ū-*. Но аналогическое **-o* вместо **-os* в nom.-acc.sg. существительных на **-es-* и инновативное **-ī* в nom.sg. у существительных на **-ter-* лежат за пределами сферы фонетики.

В определённый момент истории праславянского языка в согласном склонении между основой и **-m-*окончаниями, а также окончанием loc. pl. **-xū*, появился эпентетический гласный **-e-*: **-emi* (ins.sg.), **-emā* (dat.ins.du), **-emos* (dat.pl.), **-emīs* (ins.pl.), **-exu* (loc.pl.), исключением стали лишь существительные с суффиксом **-ēn-*. Вероятно, моделью преобразования послужили все остальные типы склонения, где в результате переразложения основы гласный суффикса отошёл к окончанию. Свидетельством в пользу того, что более древней является модель без **-e-*, хотя **-e-* служило для присоединения окончаний в согласном склонении ещё в праиндоевропейском языке, является окончание loc.pl. На момент распада праиндоевропейского языка показателем данного падежа был послелог **su*, стоявший после формы loc.sg. Таким образом, в раннем праславянском этот показатель должен был присоединяться к основе без **-e-* (ср. санскр. *patsú* ‘ногах’), однако в старославянских памятниках обнаруживаются явно вторичные формы с *-exъ* в loc.pl.

Отдельного замечания заслуживает окончание dat.sg. **-o-*основ в праславянском, где позднепраславянское **-u* фонетически несводимо к праиндоевропейскому **-ōi*, что породило предположение о его заимствовании из типа склонения на **-u-* (Мареш 1962: 20; Мажюлис 1967: 35). Однако это окончание вполне можно попытаться объяснить взаимодействием с местоименным склонением: **orbu* как **tomu*, тем более что одно окончание (**-oi* в nom.pl.) **-o-*основы достоверно заимствовали из местоименного склонения.

4.2.2. В праиндоевропейском было ограниченное количество лексем с суффиксом **-h₂ter-*, склонявшихся по согласному типу. В значительной степени они представляли собой термины родства. В праславянском слова мужского рода перешли в тип на **-o-* (**bratrъ*, **wětrъ*). Слов женского рода было всего три: **mah₂ters* ‘мать’, **d^hugh^hh₂ters* ‘дочь’ и **iēnh₂ters* ‘свояченица’. Позднее эти лексемы выделились в от-

дельный тип благодаря появлению у них особого окончания $*-ī$ в ном. sg., которое, несомненно, нефонетического происхождения. По всей видимости, оно заимствовано у $*-ī$ -основ, причём уже в ту эпоху, когда $*-ter-$ не осознавалось как суффикс (отсюда $*mati$, а не $*matri$).

Последнее со временем перешло в тип на $*-ū$: $*jetry$ (G. $*jetrwe$), вероятно, под влиянием слова ‘свекровь’ (ЭССЯ 8, 188–190). В свою очередь слово $*nepī$ > $*nepti$ ‘племянница’ ушло из типа на $*-ī$ и присоединилось к словам $*mātī$ > $*mati$ и $*duktī$ > $*dǫtī$, изменив основу косвенных падежей на $*nepter-$.

В прабалтийском языке данный тип пошёл параллельным развитием: ввёл окончание $*-ē$ в ном. sg., сохранив согласное склонение в остальных падежах: $*duktē$ ‘дочь’ (G. $*dukteres$) > лит. $duktė$ (G. $duktėš$), пр. $dukti$; $*jentē$ ‘свояченица’ (G. $*jenteres$) > ст.-лит. $jentė$ (G. $jenters$), лтш. $ietere$; $*mātē$ ‘мать’ (G. $*māteres$) > ст.-лит. $mótė$, G. $móteres$ ‘женщина, жена’, лтш. $māte$ ‘мать’, пр. $mūti$ ‘мать’. В прабалтийском слова $*jentē$ ‘свекровь’ и $*neptē$ ‘внучка’ в отличие от праславянского тип склонения не меняли.

4.2.3. Ещё одним типом женского рода, выделившимся из согласного склонения, стал тип на $*-ū-$ с характерным чередованием $*-ū-/*-uw-$. Видимо, древнейшим изменением, отличившим данный тип от остальных согласных основ, было описанное выше введение в ins. sg. окончания $*ijān$ из типа на $*-i-$.

Количество исконных лексем типа склонения на $*-ū-$ невелико. Сюда следует отнести $*b^hruHs$ > $*brūs$ > $*bry$ ‘бровь’, $*kreuHs$ (G. $*kruHes$) ‘сочащаяся кровь’ > $*krūs$ > $*kry$ ‘кровь’, $*lakuHs$ ‘озеро, лужа’ > $*lokūs$ > $*loky$ ‘лужа’, $*suekrūHs$ > $*swekrūs$ > $*swekry$ ‘свекровь’, $*g^heluHs$ > $*gelūs$ > $*žely$ ‘черепаха’. Слово $*d^hg^huHs$ ‘рыба’ было утрачено, а $*suHs$ ‘свинья’ было заменено однокоренным образованием.

Однако данный тип склонения не только не исчез, но в позднем праславянском и в постпраславянском период даже подвергся значительному расширению. В него переходили слова из других типов склонения, поступали новообразования, входили заимствования, к этому типу относились топонимы, в том числе на относительно поздно заселённых территориях. Из атематического склонения в тип на $*-ū-$ вошли слова $*h_2enh_2ts$ > $*oty$ ‘утка’ (наряду с формой $*-i$ -склонения $*oty$ (Бернштейн 1974: 234)) и $*jenxters$ > $*jetry$ ‘свояченица’ (ЭССЯ 8, 188–190), из типа на $*-u-$ два слова женского рода — $*g_l^Houys$ > $*zby$ ‘золовка’ и $*g^wh_1Hnus$ > $*žbny$ ‘жёрнов’ (Derksen 2008: 566). Новообразования типа на $*-ū-$ в праславянском: $*bagy$ ‘топь, болото’ (ЭССЯ 1, 134); $*body$ ‘острога’ < $*bosti$ (ЭССЯ 2, 154; SP 1, 294); $*boky$ ‘подорожник’ < $*bokъ$ ‘бок’ (ЭССЯ 2, 170); диал. $*boty$ (при параллельном $*botъ$) ‘рыбачья дубина

для глушения рыбы' < **botati* (SP 1, 342); **bъdry* 'закваска' (ЭССЯ 3, 112); **bъty* (при параллельном **bъty*) 'ботва' < **byti* (SP 1, 466); **cěly* 'выздоровление' < **cěly* (ЭССЯ 3, 181; SP 2, 75); **dorgy* 'дороговизна' < **dorgъ* (ЭССЯ 5, 78); **dropъty* 'дрофа' (ЭССЯ 5, 125–126); **dъly* 'род сосуда' (ЭССЯ 5, 210); **glody* < **glodati* (ЭССЯ 6, 135); **gruši* 'груша' < преобразование слова **gruša* (ЭССЯ 7, 157); диал. **kasty* 'осока' (ЭССЯ 9, 156–157); **klъlyky* 'клюква' < **klъluka* (ЭССЯ 10, 58); **koty* 'якорь' < **kotъ* 'кот' (ЭССЯ 11, 213–214); **kraky* 'род птицы' < **krakati* (ЭССЯ 12, 93); **kreky*/**kroky* 'стропило' < **krokъ* 'шаг' (ЭССЯ 12, 144–145, 183–185); **kruši* 'груша' < преобразование слова **kruša* (ЭССЯ 13, 48); **kuropъty* 'куропатка' (ЭССЯ 13, 127–128); **kury* 'курва' < **kurъ* (ЭССЯ 13, 132–133); **laty* 'род сосуда' (ЭССЯ 14, 52); **luby* 'любовь' < **lubъ* (ЭССЯ 15, 185–186); **lusky* (при параллельном **luska*) 'шелуха' (ЭССЯ 16, 198–199); **lysty* (при параллельном **lysta*) 'икра ноги' (ЭССЯ 17, 44); **maty* — садоводческий термин < **mati* (ЭССЯ 18, 18–19); **metry* < **metati* (ЭССЯ 18, 135); **męky* < **męкъ* (ЭССЯ 18, 251); **moky* 'болотистая местность' < **mok-* (ЭССЯ 19, 149–150); **molky* (при параллельном **molka*) 'незамерзающее болото' (ЭССЯ 19, 187–189); **morky* 'трясина' (ЭССЯ 19, 234); **mōty* 'мутовка' < **mōtiti* (ЭССЯ 20, 148–149); **mōžaky* 'мужественная женщина' (Vaillant 1958: 275); **nastegny* 'поножи' < **na-* + **stegno* (ЭССЯ 23, 77); **neplogy* 'бесплодная женщина' (ЭССЯ 24, 188–189); **nъti* 'корыто, квашня' (ЭССЯ 26, 52–54); **oldy* 'лодка' (при параллельных **oldi* и **oldъ*) (ЭССЯ 32, 55); диал. **osty* < **ostъ* (ЭССЯ 36, 68); **ostry* < **ostъ* (Vaillant 1958: 278); **paxy*/**poxy* 'часть упряжки' < **paxъ* (Фасмер 3, 221); **pastorъky* 'падчерица' (Vaillant 1958: 275–276); **plogy* 'послед' (Бернштейн 1974: 231); **ploty* 'плотва' < **plotъ* 'плоский' (Фасмер 3, 285); **pogy* 'пуговица' < **pog-*/**pok-* (Derksen 2008: 416); **pъrdy* 'болотный бекас, Scolopax gallinago' (Borys 2005: 413); **pъstry* 'форель' < **pъstrъ* 'пёстрый' (Vaillant 1958: 277); **suxy* 'изюм' < **suxъ* 'сухой' (Vaillant 1958: 278); **swidy* 'кизил' (Фасмер 3, 577). Ряд постпраславянских образований описан в книге С. Б. Бернштейна (Бернштейн 1974: 220–241). В. Смочиньский полагает, что для праславянского следует также реконструировать слово **dry*, построенное по аналогии с **bry*. От этого формы, а не от **dru-*, по мнению польского лингвиста, была образована лексема **drъwa* 'дрова' (Smoczyński 2003: 117–118).

Топонимы, склонявшиеся по типу на **-ū-*: *Branew* < **brany* (Rozwadowski 1948: 14) или от **brъny* (Babik 2001: 352–353); *Huczwa* < **gotjūs* или **gokjūs* (Babik 2001: 50); *Melgiew* (река (ранее) и город (по сей день) в окрестностях Люблина) (Babik 2001: 169–170); *Narew* (одна из главных рек бассейна Вислы) < **nary* (Babik 2001: 180–181); *Omulew* (правый приток Нарвы, озеро в Пруссии и несколько деревень) <

*omoly (Babik 2001: 204–205); *Peltew* < *pьlty < герм. *fulpō или *pultō (Rozwadowski 1948: 182–186; Babik 2001: 218–219); *Radew* (река в Померании, правый приток Парсенты) < *rady (Babik 2001: 236–237); *Skrwa* (приток Вислы) < *strьky < герм. *strukō* (Moszyński 1957: 79; Babik 2001: 254–257); *Swędrnia* (правый приток Просны) < *Świędrwia* < *swędry ‘дудник, *Angelica silvestris*’ (Babik 2001: 265–267); *Tanew* < *tany < герм. *tānu* (Moszyński 1957: 79) либо из *тъny от *тънькъ (Babik 2001: 337–338); *Uszew* (река и местность в Малопольше) (Babik 2001: 288–290); *Żółkiew* (река и деревня в бассейне среднего Вепря) < *зьlky (Babik 2001: 328–329); *Багва* < *bagy (Rozwadowski 1948: 238–241); *Болва* (приток верхней Десны) < *bьly (Moszyński 1957: 190); *Смедва* < *smědy (Фасмер 3, 684); *Сновь* < *sny (Rozwadowski 1948: 197–200).

Как правило, эти новообразования носят диалектный характер, не относятся к частотной лексике и не могут быть отнесены к праславянскому периоду. По-видимому, активизация типа склонения на *-*ū*- в позднем праславянском связана с вхождением в этот тип ряда частотных заимствований, в первую очередь германизмов на -*ō*. Сюда относятся следующие слова: *bersky ‘персик’ < вульг.-лат. **pers(i)ca* (SP 1, 207–208); *bludy ‘блюдо’ (при параллельном *bludo) < гот. *biuþs* (Фасмер 1, 178); *borcy ‘топор’ < прагерм. *bardō (ЭССЯ 2, 201; SP 1, 321); *brosky ‘капуста *Brassica oleracea*’ < вульг.-лат. *brasca* (SP 1, 388); *buky ‘буква, букочный орех’ < прагерм. *bōkō (ЭССЯ 3, 91–92; SP 1, 445–446); *bьci ‘бочка’ < прагерм. *bukjō (ЭССЯ 3, 107–108); *xorogy ‘знамя’ < тюрк. < монг. *orungo*, *orunga* ‘знак, знамя’ (согласно альтернативной версии из готск. *hrugga*) (ЭССЯ 8, 81–82); *сьrky ‘церковь’ < герм. *kirkō (ЭССЯ 3, 198–199; SP 2, 94–95); *lagy ‘род сосуда’ < нем. *lāge* (ЭССЯ 14, 16); *kady ‘кадка’ (при параллельном *kady) < греч. *τὸ κάδιον* семитского происхождения (ЭССЯ 9, 111–112); *kony ‘кувшин’ < д.-в.-н. *channa* (ЭССЯ 10, 106); **me̋ty* ‘мята’ (при параллельном **me̋ta*) < лат. *menta* (ЭССЯ 19, 15–16, 21); *мьrky ‘морковь’ с неясной этимологией, возможно, заимствование (ЭССЯ 20, 247–249); *orky ‘ящик, гроб, раковина’ < прагерм. *arkō (ЭССЯ 32, 172); *plosky < д.-в.-н. *flasca* или прагерм. *flaskō (Фасмер 3, 284); *redьky/*рьdьky* ‘редька’ < нж.-нем. *redik* (Boryś 2005: 535–536); *pany ‘сковорода’ < нем. *pfanna* (Vaillant 1958: 283); *saky ‘мешок, сеть’ (при параллельном *sakь) < лат. *saccus* (Фасмер 3, 546); *smoky ‘смоковница’ < гот. *smakka* (Фасмер 3, 689–690) (В. М. Иллич-Свитыч предполагал, что в этом случае исконное слово (Иллич-Свитыч 1962)); *тыку ‘тыква’ из фракийского или от *тыkati (Фасмер 4, 130–131).

Существует предположение, что форма асс.сг. *бръвь вторична и возникла по аналогии с остальными косвенными падежами на месте *bry (< *brūn) на основе ст.-слав. **лювы** / **прѣлювы дѣлати** (Vaillant 1958:

Таблица 6.

Окончания склонения на *-ī- в раннем и позднем праславянском

	sg.		du.		pl.	
Nom. Voc.	*brūs	*bry	*bruwī	*brъwī	*bruwes	*brъwe
Gen.	*bruwes	*brъwe	*bruwous	*brъwu	*bruwon	*brъwъ
Dat.	*bruweī	*brъwī	*brūmā		*brūmos	
Acc.	*bruwīn	*brъwъ	= Nom.		*bruwīns	*brъwī
Ins.		*brъwъjō	= Dat.		*brūmīs	
Loc.	*bruwe	*bruwe	= Gen.		*brūxu	

263), хотя эта форма может трактоваться и как винительный множественного *-o-основы, в пользу чего свидетельствует тот же оборот с родительным при отрицании: **нѣ прѣлюбѣ сътвори** (Бернштейн 1974: 226).

Падежи с *-m-окончаниями и loc.pl. в данном типе для позднего праславянского реконструировать проблематично, поскольку вместо ожидаемых *-ута, *-уть, *-ути и *-ухъ или *-ъweta, *-ъwеть, *-ъweti и *-уъwexъ мы находим -em (< *-ьтъ) и -ech (< *-ьхъ) из *-i-склонения и -emi из *-jā- в древнечешском (Bauer et al. 1998: 165), а в старославянском -амъ, -ами и -ахъ из склонения на *-ā- (Вайан 2007: 136–137). Неясно, началось ли взаимодействие с другими типами склонения ещё до распада праславянского или уже после.

Тип склонения на *-ī- не сформировался в балтийских языках, те слова, которые могли в него потенциально входить, перешли, как и остальные консонантные основы, в типы на *-i- и *-ja-: лит. диал. *bruvīs* (f.) ‘бровь’; лит. *žuvīs* (f.) ‘рыба’, лтш. *zivs* (f.) ‘рыба’; лит. *liežuvīs* (m.) ‘язык’, прусск. *insuwīs* ‘язык’; лит. *kraujas* (m.) ‘кровь’, прусск. *crauyō* (f.) ‘кровь’; лит. *girnōs* (f. pl.) ‘жернова’, лтш. устар. *dzirnis* (f. pl.), *dzirnas* (f. pl.), *dzirnavas* (f. pl.) ‘мельница’, прусск. *girnoywis* (f. pl. конъектурное чтение **girnūwis* (Топоров 2, 245)) ‘жёрнов, ручная мельница’.

4.2.4. По согласному склонению также частично изменились существительные с суффиксами *-ĕn-/*-jan-, *-tel-, *-ar², у которых формы согласного склонения в историческое время фиксируются только во множественном числе, активные причастия настоящего времени действительного залога, а также числительное **četyre*.

Существительные с суффиксом *-ĕn-/*-jan- в единственном числе присоединили сингулятивный суффикс **-inъ*, сохраняя архаичные согласные окончания без *-e- между основой и окончанием во множественном числе: др.-чеш. loc.pl. *Brěžas* (nom. *Brěžané* ‘брежане’), *Dolas* (nom. *Dolané* ‘доленчане’), *Lužas* (nom. *Lužané* ‘лужичане’), *Vrbčas* (nom. *Vrbčané* ‘врбчане’), *Polas* (nom. *Polané* ‘поляне’) (Bauer et al. 1998: 149); др.-русск. dat.pl. *содомлмъ* (nom.pl. *содомлмне*); ins.pl. *сгунтлми* (nom.pl. *сгунтл-*

не), *македонянами* (nom.pl. *македоняне*) (Селищев 2006: 391), др.-сербохорв. *дѣчахъ* ‘дечанах’, *доубровѣчамъ* ‘дубровчанам’, *боужами* ‘бужанами’ и др. (Vaillant 1958: 188). При этом *-а- вместо ожидаемого *-о- здесь безусловно аналогического происхождения. Попытка объяснить форму *Dolas* из **dolēsъ* неудачна, поскольку предполагает наличие в данном суффиксе нигде и никогда не зафиксированного аблаута (Mareš 1963: 59).

Суффикс *-ar- был заимствован через германское посредство из латинского *-arius* (SP 2, 22), что произошло в сравнительно позднюю эпоху существования праславянского языка. Изменение существительных с таким суффиксом по согласному склонению, которое находилось в позднем праславянском на грани исчезновения, выглядит довольно парадоксально, но вполне объясняется аналогией с существительными с суффиксом **-jan-*. Окончания согласного склонения у существительных этого типа фиксируются только в nom.pl. в старославянском (Вайан 2007: 130–131; Селищев 2006: 393–394), а в древнечешском ещё и в gen.pl. (Bauer et al. 1998: 149–150), так что нельзя исключать, что полной парадигмы согласного склонения во множественном числе эти существительные никогда и не имели, лишь заимствуя одно или два окончания из парадигмы существительных с суффиксом **-jan-*.

Существительные с суффиксом **-tel-* в единственном числе расширили этот суффикс при помощи **-jo-*, сохранив окончания согласного типа только во множественном числе. В древнечешском и старославянском зафиксированы окончания согласного типа в именительном и родительном падежах множественного числа.

4.2.5. Дольше и лучше всего исконные окончания согласного склонения сохранялись у существительных с суффиксами **-men-*, **-en-* и **-ent-*, которые стали составлять отдельный тип по «остаточному принципу», после того как все остальные согласные основы выделились в отдельные типы.

Данный тип включал сравнительно большое количество праиндоевропейских основ, а также сохранял продуктивность в праславянскую и постпраславянскую эпохи.

Исконные основы среднего рода: **b^{her}Hmen* (ср. греч. *τὸ φέριμα*, (G. *φέριματος*) ‘плод, отпрыск, дитя’) > **bermen* > **bermę* ‘бремя, груз’ (SP 1, 206–207; ЭССЯ 1, 196–197); **edmen* (ср. санскр. *ahna* ‘пища’) > **ēdmen* > **ēdmę* ‘съестное’ (ЭССЯ 6, 41–42); **neh₃men* ‘имя’ (G. **n₃menes*, ср. греч. *τὸ ὄνομα* (G. *ὀνόματος*) > **inmen* > **j₃mę* (ЭССЯ 8, 227–228); **seh₁men* ‘семя’ (ср. лат. *sēmen* ‘семя’) > **sēmen* > **sēmę* (Derksen 2008: 446); **selmen* (ср. гр. *τὸ σέλμα*, G. *σέλματος* ‘палуба, помост’, санскр. *śartan* ‘зонг, ширма’, лит. *šelmū* ‘конёк крыши’) > **selmę* ‘конёк крыши’ (Бернштейн 1974: 185–186); **uertmen* ‘колея’ > **wertmę* ‘время’ (Derk-

sen 2008: 516); *ġnehzmen (ср. греч. τὸ γνῶμα (G. γνώματος) ‘признак, примета’) > *znāten > *znateŕ ‘знамя, знак’ (Derksen 2008: 546).

Основы, пришедшие из других типов: *h₂erHmos ‘плечо’ > *ormo > *ormeŕ (ЭССЯ 32, 185–187); **ouHd^hr* ‘вымя’ > *ūdmen > *wudmę (Derksen 2008: 534–535).

Собственно славянские новообразования: *čismę ‘число’ < *čisti (*čьto) ‘считать’ (SP 1, 206; ЭССЯ 4, 118–119); *dymę ‘пах’ < *dymati ‘дуть, надувать’ (ЭССЯ 5, 202); *golmę ‘открытое место’ < *golъ ‘голый’ (ЭССЯ 6, 208–210); *grudmę ‘глыба, грудa’ (дублет среднего рода к *grudmy) < *gruda ‘грудa’ (ЭССЯ 7, 152–153); *kolomę ‘ближайшая округа’ < *kolo ‘колесо’ (ЭССЯ 10, 146); *lemę ‘плуг, соха’ (ЭССЯ 14, 111); *pasmeŕ ‘пасмо’ (наряду с *pasmo) (Бернштейн 1974: 185); *pismę ‘письмо, буква’ < *pisati ‘писать’ (Бернштейн 1974: 184–185); *pledmeŕ ‘племя’ < **pled-* ‘плодиться’ (Бернштейн 1974: 181–182); *polmę ‘пламя’ (дублет среднего рода к *polmy) < *polěti ‘гореть’ (Derksen 2008: 411); *těmę ‘темя’ < *tęti ‘сечь’ (Derksen 2008: 492); *timę ‘болото’ (Бернштейн 1974: 193); *strьmę ‘стремя’ (дублет среднего рода к *strьmy); *šelmę (дублет среднего рода к *šelmy).

Исконные основы мужского рода: **h₁elH-* ‘олень’ > *elons > *ely (ЭССЯ 6, 20); *steh₂mons (ср. греч. ὁ στῆμων ‘ткацкая основа’, лат. *stāmen* ‘ткацкая основа, нить’) > *stāmons > *stamy ‘опорный брус’ (Бернштейн 1974: 180); *sreumons (ср. греч. τὸ ρεῦμα (G. ρεύματος) ‘поток, струя’) > *sroumons > *strumu ‘ручей’ (Бернштейн 1974: 177–178).

Собственно славянские новообразования: *ešьmy ‘ячень’ (< *ekti ‘гнуть’) (ЭССЯ 6, 63–64); *greby ‘гребень’ < *grepti (*grebo) ‘грести’ (ЭССЯ 7, 112–113); *grudmy ‘глыба, грудa’ (дублет мужского рода к *grudmę); *kamy ‘камень’ (ЭССЯ 9, 137–140); *kory ‘корень’ (ЭССЯ 11, 62–65); *kosmy ‘загривок лошади’ (ЭССЯ 11, 145); *kosmy ‘кусьмень, большой кусок’ < *kosati ‘кусать’ (ЭССЯ 12, 66); *kremy ‘кремень’ (ЭССЯ 12, 118–123); *kьmy ‘ствол, род, поколение’ (ЭССЯ 13, 196); *ormy ‘рамень’ < *orati ‘пахать’ (ЭССЯ 32, 187–189); *prьsty ‘перстень’ < *prьstъ ‘палец’ (Бернштейн 1974: 169); *polmy ‘пламя’ (дублет мужского рода к *polmę) < *polěti ‘гореть’ (Бернштейн 1974: 173–174); *portmy ‘луч, волокно, нить’ < *porti (*poro) ‘бить’ (Бернштейн 1974: 175–177); *pręsly ‘прясло’ (при параллельном *pręslo) < *pręsti (*prędo) ‘прясть’ (Бернштейн 1974: 171); *remy ‘ремень’ < *remteŕ ‘поддерживать, подпирать’ (Бернштейн 1974: 174); *segy ‘сажень’ < *segati ‘протягивать руку’; *stopy / *stepy ‘ступень’; *strьmy ‘стремя’ (дублет мужского рода к *strьmę) (Бернштейн 1974: 178–179); *strьgy ‘стрежень’ < *strьžiti (Бернштейн 1974: 171); *wolsy ‘длинная шерсть’ < *wolsъ ‘волос’ (Бернштейн 1974: 170).

Суффиксы *-men- и *-en- сохранили активность и в постпрааславянскую эпоху, видимо, и после исчезновения типов склонения на *-en-, ср.

**breden-* ‘брeдeнь’ < *brestī (*bredō) ‘брести’; **dьrben-* ‘дeрбeнь, мeшкo-винa’ < *dьrpti (*dьrbō) ‘чeсaть, дрaть’; **gneten-* ‘гнeт’ < *gnesti (*gnetō) ‘гнeсти’; **gьrmen-* ‘куст’; **pleten-* ‘плeтeнь’ < *plesti (*pletō) ‘плeсти’, a тaкжe рyсск. диaл. *выбeнь, глyхмeнь, гoлoмeнь, житмeнь, сyxмeнь, узмeнь* (Бeрнштeйн 1974: 170–180). Сyффикс **-men-* yчaствoвaл в oбрaзoвaнии пoзднecлaвянских тoпoнимoв (Oткyпщикoв 2005: 243–261). Крoмe тoгo, в oрбитy этoгo cклoнeния вoвлeкaлись фoнeтичecки cxoжe cyщecтвитeльнyиe c элeмeнтoм **-m-*: *ormę при *ormo, *pasmeę при *pasmo, *kremy при лит. диaл. *kramai* (pl.) ‘cтpyпья’, лтш. *krams, krems* ‘крeмeнь’. Видимo, пo тoй жe пpичинe гeтeрoклитик *ouHdʰr ‘вымья’ тaкжe пeрeшeл в этoт тип, coхpaнив иcкoнный cpeдний poд.

4.3. Если в праиндоевропейском языке почти отсутствовала корреляция между родом и типом склонения, то в праславянском языке ситуация кардинально изменилась. Некоторые типы склонения прошли через процесс ограничения своего родового состава.

В позднем праиндоевропейском к типу склонения на **-o-* могли относиться существительные всех трёх родов, но в праславянском уже только двух — из языка ушли основы на **-o-* женского рода.

Такие основы зафиксированы в греческом (например, *ή νῆσος* ‘остров’, *ή ἀμπελοσ* ‘виноградная лоза’, *ή παρθένος* ‘девушка’) и латыни (например, *alnus* ‘ольха’, *fāgus* ‘бук’, *fīcus* ‘смоковница’, *humus* ‘земля’, *pōtnus* ‘фруктовое дерево’, *pōpulus* ‘тополь’). Данные основы в праславянском просто переходили в тип склонения на **-ā-* или **-o-*: *alisos / *elisos ‘ольха’ > *olixā / *elixā > *olьxa / *elьxa (ЭССЯ 6, 23–24); *bʰerHǵos ‘берёза’ > *berza / *berзь (ЭССЯ 1, 201–203, 207–208); *eǵnos ‘тис’ > *iwā > *ььwa ‘ива’ (ЭССЯ 8, 248–249) (вопреки предположению Матасовича (Matasović 2009: 173) вряд ли это была основа на **-u-*: основы на **-u-* вели себя в праславянском иначе); *mizdʰos ‘вознаграждение’ (ср. греч. *ὁ μισθός* ‘заработная плата, жалованье, мзда’) > *mizdā > *мьзда (ЭССЯ 21, 176–178); *neiǵnos ‘нива’ (ср. греч. *ή νεϊός* ‘поле под паром, новина, пашня’) > *niwa (существуют и альтернативные этимологии) (ЭССЯ 25, 134–137); *smusos ‘сноха’ (ср. греч. *ή νύος* ‘невестка или сноха’) > *smuxā > *смьxa (Derksen 2008: 457); *udros ‘выдра’ (авест. *udra-* (m.) ‘выдра’) > *ūdrā > *wydra (Derksen 2008: 534).

Аналогичное ограничение постигло склонения на **-u-* и **-i-*. Уже после окончания прабалтославянского периода состав этих склонений был ограничен: в позднем праславянском **-u-*основы были только мужского рода, а **-i-*основы мужского и женского родов. При этом **-u-*основы женского рода стали переходить в более продуктивные типы склонения на **-ā-* и **-i-*: *korus > *korwa ‘корова’, *pelus > *pelwa ‘полова’, **uoit̥us* > **wět̥wь* ‘ветка’, *uirus > **wьr̥wь* ‘верёвка’. Основы среднего рода могли пройти одним из трёх сценариев: 1) остаться в типе

склонения на *-u-, сменив род на мужской (*dāru > *darь ‘дар’, *domu > *domь* ‘дом’, *olu > *olь ‘пиво’, *medu > *medь ‘мёд’, *wirxu > *wьrxь ‘верх’); 2) перейти в тип склонения на *-es- и на *-o- (*doru > *derwo ‘дерево’, *lendu > *leđwo ‘ляжка’ [варианты *leđwa и *leđwь, приводимые в (ЭССЯ 15, 48–50), видимо, вторичны]); 3) вытеснение исходной формы диминутивом с суффиксом *-k- (*āblu > *ablьko ‘яблоко’, первоначально ‘яблочко’). Второй и третий сценарий реализовывались также при переводе в продуктивные типы основ среднего рода на *-i-: *mori > *morjo ‘море’, *sirdi > *sьrdьko ‘сердце’ (первоначально ‘сердечко’), *sulni > *сьlnьko ‘солнце’ (первоначально ‘солнышко’).

В балтийских языках основы на *-u- среднего рода сохранились, о чём свидетельствует прусское *alu* среднего рода (Топоров 1, 79–80) (в восточно-балтийской группе эта группа слилась с основами на *-u- мужского рода, но это факт истории уже восточно-балтийских языков, связанный с утратой в них категории среднего рода).

Состав типа склонения на *-ū- стал ограничиваться существительными женского рода, поэтому слово мужского рода ‘язык’ перешло в тематический тип путём присоединения суффикса *-k-: **dn̄g̃huHs* > *ezykь. Слово *kreuHs ‘кровь’ напротив осталось в типе склонения на *-ū-, но сменило род со среднего на женский.

Для типов склонения женского рода характерны две общие инновации. Первая затрагивает ins.sg., в котором в тип на *-ā- ввёл инновативное окончание *-oīān (> *-ojo) на месте балто-славянского *-ān. По-видимому, окончание было привнесено из местоименного склонения для устранения омонимии с acc.sg. (*genān : *genoīān как *tān : *toīān) (Mareš 1963: 59). *-i-основы ввели аналогичное окончание *-bjo, которое впоследствии распространилось на типы на *-ū- и *-ter-.

Второе изменение заключается в выравнивании форм именительного и винительного падежей множественного числа. В типе на *-ā- окончание acc.pl. *-ūs (< *-uns < *-ons < *-āns) вытеснило исконную флексию nom.pl. *-ās. То же явление наблюдается у *-i-основ женского рода, где *-īs (< *-ins) из винительного падежа распространилось на именительный, где исконным было *-iēs (> *-bje), сохранившееся в мужском роде.

В типах на *-ū- и *-ter- происходил аналогичный процесс, однако его результаты в диалектах праславянского отличаются: в тех диалектах, которые легли в основу старославянского и древнерусского, флексия винительного падежа распространилась на именительный (*матери, свекрѣви*), а в тех, которые впоследствии переросли в древнечешский, аналогия действовала в обратном направлении: *mateře, svekrve* (Bauer et al. 1998: 165, 171).

4.4. Таким образом, в позднем праславянском некогда единое согласное склонение представляло собой конгломерат схожих типов скло-

нения, в некоторых деталях отличающихся друг от друга. Уже в праславянский период эти типы склонения начинают активно заимствовать окончания из более продуктивных типов, постепенно сливаясь с ними.

В итоге поздний праславянский демонстрирует значительное увеличение количества типов склонения по сравнению с праиндоевропейским. Это произошло за счёт выделения новых типов из состава согласного склонения.

Сложно сказать, насколько схожей ситуация была в праславянском и прабалтийском. Достоверно можно утверждать, что гетероклитические и корневые основы распадались в двух группах по-разному, хоть и параллельно. Разнится также количество типов склонения: в балтийских языках есть основы на **-ē-*, отсутствующие в славянских, но нет многочисленных согласных типов, развившихся в праславянском. Впрочем, разница в количестве и качестве типов склонения в праславянском и прабалтийском не превышает разницы между двумя диалектами.

Таблица 7. Состав праславянского склонения в поздний период

Тип	родовой состав	продуктивность	наличие в балтийских языках
*-o-	m., n.	+	+
*-jo-	m., n.	+	—
*-ā-	f., m.	+	+
*-jā-	f., m.	+	—
*-ī-	f.	+	+
*-u-	m.	—	+
*-i-	m., f.	— (m.), + (f.)	+
*-es-	n.	+	—
*-ut-	m.	+	—
*-ter-	f.	—	+
*-ū-	f.	+	—
-en-/-ent-	m., n.	+	+

Отдельно следует упомянуть о смешанных парадигмах, составляющих ещё три типа склонения: **ихо*, **око* (тип на **-es-* во множественном и единственном числах, на **-i-* в двойственном), существительные с суффиксами **-tel-* и **-ar'* (тип на **-jo-* в единственном числе, на согласный во множественном), существительные с суффиксом **-ēn-* (тип на **-o-* в единственном числе, на согласный во множественном).

5. Заключение

5.1. В предыстории и истории праславянского именного склонения можно выделить следующие периоды:

I. Праиндоевропейский этап

1. Единое атематическое склонение, активное становление новых падежных форм из послелогов.

2. Появление тематического типа склонения.

3. Становление женского рода и двойственного числа. Появление типа склонения на **-eh₂-/*-ih₂-*. Выделение типа склонения на **-u-/*-i-* из атематического склонения.

II. Прабалтославянский этап

4. Разделение склонения на **-u-/*-i-* на два типа.

5. Становление особых окончаний у основ на **-ā-* и **-ī-* после падения ларингалов. Разделение этих основ на два типа.

6. Начало распада атематического склонения. Выделение основ на **-es-* и **-ut-* в отдельные типы. Ликвидация старого аблаута. Ликвидация гетероклитиков и корневых основ.

III. Праславянский этап

7. Распад атематического типа склонения. Начало взаимодействия разных типов склонения. Становление мягких типов на **-jo-* и **-jā-*. Радикальное упрощение ауслота. Становление корреляции между родом и типом склонения.

IV. Постпраславянский этап

8. Активное взаимодействие различных типов склонения, ликвидация непродуктивных типов.

В позднепраславянскую эпоху были заложены некоторые тенденции, унаследованные уже отдельными славянскими языками. Сюда относятся смешение типов на **-o-* и **-u-*, а также массовое заимствование окончаний типов на **-i-* и **-o-* в согласные типы.

5.2. Система праиндоевропейских окончаний сохранилась в праславянском очень хорошо. Среди нефонетических изменений окончаний можно выделить следующие:

1) становление новых окончаний из послелогов. Сюда относятся **-m-*окончания в *ins.sg.*, *dat.-ins.du.*, *dat.pl.*, *ins.pl.*, а также **-e(n)* в *loc.sg.* согласных основ.

2) заимствование окончаний из других типов: *gen.pl.* **-o-* и **-ā-* основ (из **-u-/*-i-* и согласных основ); **nom.-acc.du.* согласных основ мужского и женского родов (из типа на **-i-* или согласных основ среднего рода); *nom. sg.* **-es-* основ (из типа на **-o-* или местоименного склонения); *nom. sg.* **-ut-* основ (из типа на **-i-*); *nom. sg.* **-ter-* основ (из типа на **-ī-*); *loc.pl.* **-ā-* и согласных основ (**-axъ* и **-(e)xъ* вместо **-asъ* и **-(e)sъ* по аналогии с **-o-*, **-u-* и **-i-* основами); *voc.sg.* основ на **-jo-* (из **-u-* склонения); взаимодействие **-i-* и **-ī-* основ.

3) заимствование окончаний из местоименного склонения: *dat.sg.* **-o-* основ; *nom.pl.* **-o-* основ; *ins.sg.* всех основ женского рода.

4) заимствование окончаний из других падежей того же типа: gen.sg. *-o-основ (в результате слияния генитива и аблатива); nom.pl. *-ā-основ и *-i-основ женского рода.

Кроме того, необъяснённым остаётся окончание gen.sg. *-ā-основ *-у (*-ě/*-ę в мягком типе) < *-ons вместо ожидаемого *-a < *-ās. Ни одна из гипотез, пытающихся объяснить происхождение данного окончания (Кузнецов 2006: 73–75), не может быть признана убедительной.

ЛИТЕРАТУРА

- Барроу 1976 — *Т. Барроу*. Санскрит. М., 1976.
- Бернштейн 1974 — *С. Б. Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Вайан 2007 — *А. Вайан*. Руководство по старославянскому языку. М., 2007.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов*. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Елизаренкова 1982 — *Т. Я. Елизаренкова*. Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Иллич-Свитыч 1962 — *В. М. Иллич-Свитыч*. Русск. смоковница, слав. *smoku «инжир, ficus carica» // Этимологические исследования по русскому языку. 1962. Вып. 2.
- Казлаускас 1968 — *И. Казлаускас*. О балто-славянской форме дательного пад. мн. и дв.ч. // *Baltistica*. Vilnius. 1968. Т. IV. № 2.
- Касьян, Сидельцев 2013 — *А. С. Касьян, А. В. Сидельцев*. Хеттский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М., 2013.
- Красухин 2004 — *К. Г. Красухин*. Введение в индоевропейское языкознание. М., 2004.
- Кузнецов 2006 — *П. С. Кузнецов*. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 2006.
- Мажюлис 1966 — *В. Мажюлис*. К балто-славянской форме датива (мн. и дв. ч.) // *Baltistica*. Vilnius. 1966. Т. II. № 1.
- Мажюлис 1967 — *В. Мажюлис*. К балтийскому и индоевропейскому дативу ед.ч. (продолжение) // *Baltistica*. Vilnius. 1967. Т. III. № 1.
- Мареш 1962 — *В. Ф. Мареш*. Ранний период морфологического развития славянского склонения (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 1962. № 6.
- Мейе 1951 — *А. Мейе*. Общеславянский язык. М., 1951.
- ОФУЯ 1975 — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975.
- Откупщиков 2005 — *Ю. В. Откупщиков*. Из истории индоевропейского словообразования. СПб., М., 2005.
- Саенко 2016 — *М. Н. Саенко*. О возможном взаимодействии праславянских типов склонения на *-i- и *-ī- // Славянский альманах. 2016. Вып. 3–4.

- Саенко, Szeptyński 2017 — М. Н. Саенко, R. Szeptyński. Праславянское *žeratyĭkь: слово-айсберг // *Jezikoslovní zapiski*. 2017. 23. 2.
- Саенко 2019а — М. Н. Саенко. Судьба гетероклитических основ в праславянском языке // *Славяноведение*. 2019. № 2.
- Саенко 2019б — М. Н. Саенко. Формант *-ъть и склонение слов типа *nogъть, *olkъть, *degъть, *desęть и *dъль в праславянском // *Rossica Olomucensia*. 2019. LVIII. 1.
- Селищев 2006 — А. М. Селищев. Старославянский язык. М., 2006.
- Топоров 1–5 — В. Н. Топоров. Прусский язык. М., 1975–1990.
- Тронский 2001 — И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.
- Фасмер 1–4 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
- ЭССЯ 1–40 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–2016.
- Adams, Mallory 1997 — D. Q. Adams, J. P. Mallory. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London, Chicago, 1997.
- Adams, Mallory 2006 — D. Q. Adams, J. P. Mallory. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Indo-European World*. Oxford, 2006.
- Álvarez-Pedrosa Núñez 1998 — J. A. Álvarez-Pedrosa Núñez. The reconstruction of Indo-European thematic nom.-acc. sg. neuter // *Indogermanische Forschungen*. 1998. 103.
- Babik 2001 — Z. Babik. *Najstarsza warstwa nazewnicza na ziemiach polskich*. Kraków, 2001.
- Bauer et al. 1998 — J. Bauer, A. Lamprecht, D. Šlosar. *Historická mluvni ce češtiny*. Praha, 1986.
- Beekes 2011 — R. S. P. Beekes. *Comparative Indo-European Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, 2011.
- Boryś 2005 — W. Boryś. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.
- Brosman 1979 — P. W. Brosman. The Hittite Neuter *a*-Stems // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1979. 93.
- Derksen 2008 — R. Derksen. *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon*. Leiden, Boston, 2008.
- Ferrell 1967 — J. Ferrell. On the Prehistory of the Locative Singular of the Common Slavic Consonant Stems // To honor Roman Jakobson. The Hague, Paris, 1967.
- Fortson 2004 — B. Fortson. *Indo-European language and culture*. Padstow, 2004.
- Hoffmann, Forssman 2004 — K. Hoffmann, B. Forssman. *Avestische Laut- und Flexionlehre*. Innsbruck, 2004.
- Janczulewicz 2017 — P. Janczulewicz. *Czy rówieśnik jest wyrazem rodzimym?* // *Polonica*. 2017. XXXVII.

- Kapović 2017 — *M. Kapović*. Proto-Indo-European // The Indo-European Languages. London, New York, 2017.
- Kloekhorst 2008 — *A. Kloekhorst*. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden, Boston, 2008.
- Kortlandt 1985 — *F. Kortlandt*. Long vowels in Balto-Slavic // *Baltistica*. Vilnius. 1985. T. XXI. № 2.
- Luraghi 2009 — *S. Luraghi*. The origin of the feminine gender in PIE // Grammatical Change in Indo-European Languages. Amsterdam, Philadelphia, 2009.
- MacDonell 1910 — *A. A. MacDonell*. Vedic grammar. Strasburg, 1910.
- Mareš 1963 — *F. V. Mareš*. Vznik a raný vývoj slovanské deklinace // Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, 1963.
- Matasović 1997 — *R. Matasović*. Kratka poredbenopovijesna gramatika latinskoga jezika. Zagreb, 1997.
- Matasović 2009 — *R. Matasović*. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden, Boston, 2009.
- Mažiulis 1970 — *V. Mažiulis*. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. Vilnius, 1970.
- Meier-Brügger 2003 — *M. Meier-Brügger*. Indo-European Linguistics. Berlin, New York, 2003.
- Moszyński 1957 — *K. Moszyński*. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, Kraków, 1957.
- Orel 2003 — *V. A. Orel*. Handbook of Germanic Etymology. Leiden, Boston, 2003.
- Otrębski 1965 — *J. Otrębski*. Gramatyka języka litewskiego. Tom II: Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1965.
- Ringe 2006 — *D. Ringe*. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford, 2006.
- Rozwadowski 1948 — *J. Rozwadowski*. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.
- SP 1–3 — Słownik Prasłowiański. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974–1979 (tomy 1–3).
- Schenker 1993 — *A. Schenker*. Proto-Slavic // The Slavonic Languages. London, New York, 1993.
- Smoczyński 2003 — *W. Smoczyński*. Hiat laryngalny w językach bałto-słowiańskich. Kraków, 2003.
- Smoczyński 2007 — *W. Smoczyński*. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
- Stang 1966 — *Chr.S. Stang*. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo–Bergen–Tromsø, 1966.
- Vaillant 1958 — *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. Tome II Morphologie. Lyon, Paris, 1958.
- Villanueva Svensson 2011 — *M. Villanueva Svensson*. Indo-European long vowels in Balto-Slavic // *Baltistica*. Vilnius. 2011. T. XLVI. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Руфь Александровна АГЕЕВА

: ruf09382008@yandex.ru

кандидат филологических наук, заместитель председателя Топонимической комиссии Московского отделения Российского географического общества

Петр Михайлович АРКАДЬЕВ

: alpgurev@gmail.com

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, доцент Института лингвистики РГГУ (Москва)

Римантас БАЛЬСИС (Rimantas BALSYS)

: Rimantas.Balsys@ku.lt

доктор гуманитарных наук, профессор, декан Факультета социальных и гуманитарных наук Клайпедского университета (Литва)

Татьяна БАРТЕЛЕ (Tatjana BARTELE)

: tmb@inbox.lv

доктор истории, ведущий исследователь

Рижской высшей школы экономики, искусств и технологий (Латвия)

Вацлав БЛАЖЕК (Václav BLAŽEK)

: blazek@phil.muni.cz

хабилированный доктор филологии, профессор
Университета им. Масарика (Брно, Чехия)

Сергей Григорьевич БОЛОТОВ

: baltaitis@yandex.ru

научный сотрудник Института мировой культуры
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Скирмантас ВАЛЯНТАС (Skirmantas VALENTAS)

доктор гуманитарных наук, профессор : skirmantas.valentas@gmail.com
Шяуляйского университета (Литва)

Бьёрн ВИМЕР (Björn WIEMER)

: wiemerb@uni-mainz.de

хабилированный доктор филологии, профессор
Майнцкого университета имени Иоганна Гутенберга (Германия)

Татьяна Васильевна ВОЛОДИНА (Тацяна Васільеўна Валодзіна)

доктор филологических наук, заведующая отделом : tanja_volodina@tut.by
Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси

Владимир Антонович ДЫБО

: vdybo@mail.ru

доктор филологических наук, академик РАН,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Илья Борисович ИТКИН

: ilya.borisovich.itkin@gmail.com

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, доцент Школы филологии,
Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва)

Юозас КАРАЦЕЮС (Juozas KARASIEJUS)

доктор филологии (Вильнюс, Литва)
Baltistikos katedra, Vilniaus universitetas, Universiteto g. 5, LT-01513, Vilnius

Кирилл Александрович КОЖАНОВ

: kozhanov.kirill@gmail.com

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва)

- Сергей Александрович Крылов** ✉: krylov-58@mail.ru
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН (Москва)
- Нийоле Лауринкене (Nijolė Laurinkienė)** ✉: nlaurinkiene@yahoo.com
хабилированный доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник
Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс, Литва)
- Владимир Александрович Лобач (Уладзімір Аляксандравіч Лобач)**
доктор исторических наук, профессор ✉: nordic972@gmail.com
Полоцкого государственного университета (Беларусь)
- Евгения Львовна Назарова** ✉: ezis08@gmail.com
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Сергей Львович Николаев** ✉: sergenicko@mail.ru
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва)
- Михаил Владимирович Ослон** ✉: neoakut@gmail.com
кандидат филологических наук (Львов, Украина)
- Владимир Яковлевич Петрухин** ✉: vladimir.petrukhin@gmail.com
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва)
- Дайнюс Разаускас (Dainius RAZAUSKAS)** ✉: dainius.razauskas@lnkc.lt
доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник
Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс, Литва)
- Михаил Николаевич Саенко** ✉: veraetatis@yandex.ru
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института славяноведения РАН
- Елена Анатольевна Сведенцова** ✉: svedentsova@gmail.com
лаборант-исследователь Лаборатории моделирования речевой деятельности
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
- Рамуне Шмигельските-Стукене (Ramunė Šmigelskytė-Stukienė)**
доктор гуманитарных наук, ✉: smigelskyte.stukiene@gmail.com
старший научный сотрудник Института истории Литвы (Вильнюс)
- Аксана Эркер (Aksana ERKER)** ✉: aksana.erker@gmx.de
доктор филологии, доцент языковой Академии
и Академии для детей (Кирхгейм, Германия)
- Артурас Юджентис (Artūras JUDŽENTIS)** ✉: arturas.judzentis@gmail.com
доктор гуманитарных наук, доцент
Вильнюсской художественной академии (Литва)

Научное издание

Балто-славянские исследования

XX

Сборник научных трудов

Подписано в печать 14.12.2019.

Формат 60 × 90¹/16.

Гарнитуры:

Times New Roman

© 2017 The Monotype Corporation (Monotype Imaging, Inc.)

(дизайн: Monotype Type Drawing Office — Stanley Morison, Victor Lardent, 1932).

Їзнітса © 2009 ParaType, Inc.

(дизайн: НПО «Полиграфмаш» — Светлана Ермолаева, 1988)

Печ. л. 30. Усл. печ. л. 30,13. Уч.-изд. л. 27,07.

Бумага офсетная. Цифровая печать.

Тираж 300 экз.

Заказ № 7854.

Отпечатано с электронной версии в типографии ООО «Буки Веди».
115 093, г. Москва, М-93, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 2.

☎: +7-495-926 63 96, 8-800-333 42 06, 10:00 – 19:00.

Сайт: <http://www.bukivedi.com>; ✉: info@bukivedi.com.